

М. МЕТЛИЦКАЯ, Р. СЕНЧИН, М. ТРАУБ,
Т. БУЛАТОВА, Е. ИСАЕВА и другие

МАМА ТЕБЯ ЛЮБИТ, А ТЫ ЕЁ БЕСИШЬ!

Стелла Прюдон
Маша Трауб
Анна Хрусталева
Татьяна Булатова
Елена Валентиновна Исаева
Мария Метлицкая
Максим Игоревич Лаврентьев
Оксана Лисковая
Елена Александровна Усачева
Максим Александрович Гуреев
Анна Фёдорова
Елена Вячеславовна Нестерина
Роман Валерьевич Сенчин
Мама тебя любит, а ты
её бeсишь! (сборник)
Серия «Радость сердца. Рассказы
современных писателей»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21163933

*Мама тебя любит, а ты её бесишь! : рассказы современных писателей / М. Метлицкая, Р. Сенчин, М. Трауб и др.: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-90289-7*

Аннотация

Материнская любовь не знает границ, любящие матери не знают меры, а дети – маленькие и уже взрослые – не знают, как правильно на эту любовь ответить. Как соответствовать маминым представлениям о хорошем ребёнке? Как жить, чтобы она была вами довольна? Как себя вести, чтобы не бесить её, а радовать? Ответы на эти вопросы – в нашем сборнике рассказов современных писателей.

Содержание

Мария Метлицкая	6
Стелла Прюдон	48
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Мама тебя любит, а ты её бесишь! (сборник)

© Метлицкая М., 2016

© Прюдон С., 2016

© Усачева Е., 2016

© Хрусталева А., 2016

© Булатова Т., 2016

© Гуреев М., 2016

© Лисковая О., 2016

© Сенчин Р., 2016

© Федорова А., 2016

© Трауб М., 2016

© Нестерина Е., 2016

© Лаврентьев М., 2016

© Исаева Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Мария Метлицкая

Алик – прекрасный сын

Соседей, как и родственников, не выбирают. Хотя нет, не так. С несимпатичными родственниками ты можешь позволить себе не общаться, а вот с соседями – хочешь не хочешь, а приходится, если только совсем дело не дойдёт до открытого конфликта. Но мы же интеллигентные люди. Или пытаемся ими быть. Или хотя бы казаться. Да ещё есть такие соседи, от которых никуда не деться. В смысле, не спрятаться. Особенно если вы соседи по даче, участки по восемь соток и у вас один общий забор. В общем, секс для бедных.

Хозяин дома Виктор Сергеевич, отставник, человек суровый и прямой, был категоричен и считал, что с соседями точно не подфартило. А вот его супруга Евгения Семёновна, женщина тихая и интеллигентная, учительница музыки, была более терпима и к тому же жалостлива, впрочем, как почти любая женщина.

Теперь о том, кого она жалела.

Соседская семья состояла из четырёх человек: собственно хозяйка, глава семьи и рулевой Клара Борисовна Брудно, мать двоих детей и женщина практически разведённая, но об этом позже; двое её детей – сын Алик и дочка Инка; и престарелая мать Фаина. Без отчества. Просто Фаина.

Теперь подробности. Клара была женщиной своеобразной. Крупной. Яркой. Шумной. Всё это мягко говоря. Если ближе к реалиям, то не просто крупной, а откровенной толстухой. Объёмным было всё – плечи, руки, грудь (о да-а!), бёдра, ноги, живот. Всё – с излишком. Яркой – да, это правда. Лицо её было преувеличенно рельефным – большие тёмные навывкате глаза, густые брови, мощный широкий нос и крупные, слегка вывернутые губы. Всё это буйство и великолепие обрамляли выющиеся мелким бесом тёмные и пышные волосы, которые Клара закручивала в витиеватую и объёмную башню. Дополнялось всё это яркой бордовой помадой и тяжёлыми «цыганскими» золотыми серьгами в ушах. Полные руки с коротко остриженными ногтями, на которых толстым и неровным слоем лежал облупившийся лак. Одевалась она тоже – будьте любезны: в жару тонкое нижнее трико по колено, розовый атласный лифчик, сшитый на заказ (такие объёмы советская промышленность предпочитала не замечать), а поверх всего этого надевался длинный фартук с карманом. Если спереди вид был куда-никуда, то когда Клара поворачивалась задом... Картинка не для слабонервных.

Хозяйка она была ещё та – к мытью посуды приступала, только когда заканчивалась последняя чистая тарелка или вилка. А обед она готовила так: в большую, литров шесть, кастрюлю опускала кости, купленные в кулинарии по двадцать пять копеек за кило. Это были даже не кости, а большие и страшные мослы, освобождённые от мяса почти до блес-

ка. Они вываривались часа три-четыре, потом щедрой рукой Клара кидала в чан крупно наструганные бруски картошки, свёклы, моркови и лука. В довершение в это гастрономическое извращение всыпалась любая крупа: гречка, пшено, рис – всё, что оказывалось в данный момент под рукой. Этот кулинарный шедевр Клара называла обедом. Готовился он, естественно, на неделю. То же страшноватое варево предлагалось заодно и на ужин. Хлеб, правда, что на обед, что на ужин, резался щедро, крупными ломтями – батон белого и буханка чёрного.

По выходным (читай, праздник) делалась немыслимая по размеру яичница – праздник для детей, но и это нехитрое блюдо Клара умудрялась испортить, добавляя туда отварную картошку и вермишель. Хотя понять её было можно – все постоянно хотели есть, особенно старая Фаина. Фаина эта вообще была штучка – крошечная, сухонькая, с тощей седой косицей, в которую непременно вплеталась сечённая по краям мятая атласная ленточка грязно-розового цвета, тоже видавшая виды. Считалось, что Фаина занимается огородом – Клара её называла Мичуриным. Действительно, она маячила на участке весь световой день – что-то пропалывала, рыхлила, пересаживала. Не росло ничего. Даже элементарный лук вырастить не получалось, не говоря об огурцах, редиске и прочем. Потом она додумалась удобрять своё хозяйство отходами человеческого организма, помешивая весь этот ужас длинной палкой в старой жестяной бочке. Но тут не выдер-

жала даже спокойная соседка Евгения Семёновна и попросила прекратить эти опыты. Примерно в час дня Фаина взывала к совести дочери и требовала обед.

Клара громко возмущалась:

– Такая тощая, а столько жрёшь!

Фаина оправдывалась:

– Я же занимаюсь физическим трудом.

– Ха! – громогласно, участков эдак на пять, восклицала Клара. – А где результат твоего труда?

Домочадцев она называла иждивенцами, правда, о каждом говорила с разной интонацией. О Фаине – с лёгким презрением и пренебрежением, о сыне Алике – гневно и почти с ненавистью, а о дочке Инне – с лёгкой и нежной иронией.

Инну, довольно хорошенькую, молчаливую и туповатую кудрявую толстушку, Клара обожала, это была её единственная и яркая страсть. На улицу, где шла вольная жизнь местных детей, девочка выходила молча, бочком, на велосипеде не каталась, в салки и казаки-разбойники не играла, тихо посапывая, сидела на бревне и жевала горбушки, распаханные по многочисленным карманам грязноватого сарафана. Брата её Алика тоже всерьёз особо не принимали – тощий, носатый, с вечными соплями, хлюпающий ханурик в сатиновых трусах. Ни толку от него, ни проку. Но его жалели, не гнали и, всегда неохотно вздыхая, брали в игру. Клару, конечно же, осуждали. Два родных ребёнка – и такая разница в отношении! Допустим, бывают у матери любимчики, хотя это странно,

но факт – бывают. Но чтобы одного ребёнка так откровенно, не стесняясь, лелеять, а второго, мягко говоря, не замечать! Впрочем, все они там были с большими прибабахами.

– Иннуся! – сладким голосом кричала Клара, стоя на крыльце подбоченясь.

– Чего? – не сразу откликнулась дочь.

– Иди, солнышко, кофе пить, – ворковала Клара.

Конечно, это был не кофе – кофе был им просто не по карману, – а какое-то пойло, дешёвый напиток, но к нему полагались пряники или овсяное печенье, немыслимые лакомства, достававшиеся из глубоких и никому не ведомых Клариных тайников. Клара и дочка усаживались на веранде и начинали пировать. Фаина сидела на грядах и водила носом – её на эти пиршества не приглашали, а Алика и подавно. Евгения Семёновна не выдерживала, подходила к общему забору и тихо выговаривала Кларе – за мать, за Алика. Клара не обижалась, а отвечала спокойно:

– Что вы, Евгения Семёновна, Фаине кофе вредно, спать ночью не будет. А этот малахольный и так по ночам ссытся – это в тринадцать-то лет! Ну их! – махала рукой Клара, облизывая крошки с толстых накрашенных губ.

Евгения Семёновна качала головой и Клару осуждала:

– Ведь он тоже ваш сын, Клара, а как приёмыш, ей-богу.

– Ох, – вздыхала Клара, закатывая глаза, – вы же знаете, Евгения Семёновна, Алик у меня от этого изверга (так обозначался первый Кларин муж). Такой же шаромыжник рас-

тёт, как его отец. Ни тпру ни ну. Нахлебалась я с ним – во! – Клара проводила рукой по горлу. – Ну, сами знаете, – деловито добавляла она. – Не жизнь была – пыточная камера. А Иннуся, – взгляд её влажнел и останавливался, – знаете ведь, от любимого человека. И это большая разница! – Клара назидательно поднимала похожий на сардельку указательный палец.

– Бросьте, Клара, – сердилась Евгения Семёновна, – дети тут ни при чём. Сначала рождает от кого попало, а потом свои обиды и комплексы на них вымещаете.

Клара тяжело вздыхала – соглашаться ей уже надоело, это было не в её характере. Тогда она укоряла соседку:

– Вы, Евгения Семёновна, пе-да-гог, – произносила она по слогам. – У вас всё по науке, а жизнь – это жизнь. – И, не выдерживая, начинала хамить: – Да и что вы в этом смысле! Своих-то у вас нет! – И, развернувшись, чувствуя себя при этом победительницей и единственно правой, она с достоинством удалялась от забора, демонстрируя несвежее фиолетовое трико.

Евгения Семёновна расстраивалась, даже плакала – от обиды и хамства. Уходила в дом и переживала, долго, до вечера. Муж её ругал:

– Куда ты лезешь! Дура ты, а не она! Нашла с кем связываться – с этой непробиваемой хамкой и торгашкой. Удивительно, – кипятился он, – ну ничему тебя жизнь не учит. Сиди на участке и не лезь в чужие жизни.

– Мне ребёнка жалко! – всхлипывая, оправдывалась Евгения Семёновна.

– Заведи себе кота, – резко бросал муж и хлопал дверью.

Прожив долгую жизнь, внутренне они так и не смирились со своей бездетностью. Дернул же чёрт Евгению Семёновну тогда, зимой 79-го, в страшный мороз и гололёд, будучи на шестом месяце, отправиться с подругой в кино. Идти не хотелось, но, как всегда, было трудно отказаться. Упала она почти у подъезда – страшно ударилась затылком, так, что не спасла отлетевшая в сугроб песцовая шапка. Потеряла сознание, и сколько пролежала она на льду, одному Богу известно. У неё было сотрясение мозга, ночью начались боли и рвота. Ребёнка она потеряла. Как следствие – сильнейший стресс, депрессия, жить тогда вообще не хотелось. Вылезала из этого годами, с невероятным трудом. Усугубляло ещё и страшное чувство вины – перед младенцем, а главное, перед мужем. Забеременеть ей так больше и не удалось – сколько ни старалась, ни лечилась. Чувствовала, что муж её так и не простил, хотя сказал всего одну фразу: «Эх, Женя, Женя...»

К сорока годам, поняв окончательно, что борьба бессмысленна, робко заговорила с мужем о возможности взять младенца в детском доме. Он тяжело посмотрел на неё и сказал:

– Нет, Женя, чужого не люблю. – И добавил: – Раньше думать надо было.

Тогда она ещё раз убедилась – не простил. Значит, не простит никогда. Жизнь была ей тягостна и порой невыноси-

ма – к чудовищной, неустанной боли прочно приклеилось чувство неизбывной вины. И каждый раз, глядя на небрежное Кларино материнство, она думала о вселенской несправедливости – такой, как *эта*, Бог дал двоих, а ей – ни одного. За что, Господи, за один необдуманый шаг, даже не за проступок, – и такая кара, такая непосильная плата. Ах, какой бы она могла быть матерью!

Бездетные женщины обычно испытывают к чужим отпрыскам либо полное безразличие и неприятие, либо глубокую и тщательно скрываемую нежность и жалость.

Евгения Семёновна жалела неприкаянного Кларино сына Алика, переживая и яростную обиду, и тихую скорбь, и непреодолимое желание обогреть, накормить и просто обнять, прижать к своему изболевшемуся сердцу. Пару раз, в бессонницу, ей приходила в голову дикая мысль – забрать Алика у Клары. В том, что та легко откажется от него, Евгения Семёновна практически не сомневалась. Мысленно она выстраивала свои долгие монологи, переходящие в не менее долгие диалоги с Klarой. Монологи ей казались убедительными, основанными на убеждённости в Кларином благоразумии. Аргументы были бесспорны: «Ты одна, бедствуешь, двоих тебе не поднять. Рвёшься, бедная, бьёшься. А мы – обеспеченные люди: прекрасная квартира в центре, машина, дача; да-да, конечно, у тебя тоже, но ты всё же не ровняй кирпичный дом с печкой и душем и твою, прости, Клара, развалюху. А образование? У Алика, между прочим, прекрасный

слух. Музыканта, конечно, из него не выйдет, поздновато, а так, для общего образования... И библиотека у нас прекрасная. И у него будет отдельная комната».

Словом, все «за». Евгения Семёновна представляла удивлённое Кларино лицо. Скорее всего, она не согласится сразу, нет, конечно, Клара расчётлива и примитивно хитра. Наверняка сначала схамит – типа, в своём ли вы уме, Евгения Семёновна? А потом придёт в себя, подумает, прикинет выгоду от этого предприятия и наверняка согласится.

На самый крайний случай у Евгении Семёновны имелся последний довод склонить соседку на сделку – старинная наследная брошь, даже не брошь, а какой-то орден, что ли, в общем, звезда, острые лучи которой были плотно усеяны разной величины бриллиантами, а в середине располагался довольно крупный кровавый рубин. Звезду эту перед смертью ей сунула тётушка, сестра матери, за которой Евгения Семёновна ходила последние три года перед её смертью. От мужа она этот подарок утаила и из-за этого тоже умудрялась страдать. Но сильнее оказалась постоянно точившая мысль, что в конце концов, по всей логике, он всё же её бросит, уйдёт, заведёт себе ребёнка на стороне, непременно уйдёт. А эта цацка – всё же кусок хлеба на чёрный день, на одинокую старость. Вполне себе оправдание. Теперь она думала, что предложит Кларе эту самую звезду, та, конечно, не сможет отказаться – такое богатство! Инночкино приданое.

Но после этих изнуряющих монологов Евгения Семёнов-

на понимала, что без мужниного слова начинать беседу с Кларой невозможно. Пыталась завлечь Алика в дом – не только из корыстных целей, а в первую очередь из жалости. Звала его, он заходил – боком, потупив взор: тощий, взъерошенный, грязный, нелепый. Она его сажала на кухне и кормила бутербродами с дефицитной сухой колбасой, щедро сыпала в вазочку шоколадные конфеты, и сердце её сладко замирало, когда этот, в сущности, неприятный чужой ребёнок, вытирая мокрый нос тыльной стороной грязной, с нестриженными ногтями руки, жадно глотал куски, неловко разворачивал конфеты, нечаянно проливал чай, тихо говорил «спасибо» и пятился к двери.

– Алик! – кричала она ему вслед. – Завтра заходи непременно!

Ещё больше смущаясь и мучительно краснея, он кивал, своим худым телом почти просачивался в узкую щель калитки – и убегал на свободу.

Она пыталась заводить разговор с мужем издалека, подобо-бострастно спрашивая:

– Чудный мальчишка, правда?

Муж поднимал на неё глаза, несколько минут молча смотрел и, тяжёло вздыхая, говорил:

– Займись чем-нибудь, Женя. Полезным трудом, что ли. Или иди почитай. – И, помолчав, добавлял: – Не приваживай его, Женя, это неправильно. Там семья и там своя жизнь. Это всё не нашего ума дело. И не придумывай себе ничего. –

Он резко вставал из-за стола и бросал ей: – А парень, кстати, действительно малахольный, эта дура Клара права. Дикий какой-то и грязный, – заключал он, безглаголиво сморщившись.

Евгения Семёновна поняла, что ничего из её затеи не выйдет. Никогда, никогда муж не согласится взять Алика. И чутьё ей подсказывало: «Даже не вздумай начинать с ним этот дурацкий разговор. Из дур потом до конца жизни не вылезешь». Муж был человек резкий и без церемоний. В общем, затею эту она оставила и думать об этом себе запретила – ещё одна зарубка на сердце. Мало их, что ли? Подумаешь, ещё одна. Оставалось только по-воровски, в отсутствие мужа, зазывать Алика на чай. И мысленно голубить его, стесняясь своих чувств, – дотронуться до него она не решалась.

А у соседей разгорались очередные страсти. Обычно за лето два-три раза наезжал бывший Кларин муж, отец Алика. Клара называла его хануриком. Он и вправду был ханурик – тощий, носатый, с тревожным взглядом бегающих глаз, с тонкими, какими-то острыми пальцами, теребящими угол рубашки или брючный ремень. Приезжал он скорее к Кларе, чем к Алику. Алик его тоже особенно не интересовал, а Клару он продолжал страстно обожать – и это было видно невооружённым глазом. От станции он шёл быстро, вприпрыжку, задирая ноги в растоптанных коричневых сандалиях. В правой руке держал выдавший виды дешёвый дерматиновый портфель, а в левой торжественно нёс картонную коробку с

бисквитным тортом – Клара обожала сладкое. Ни о каком подарке сыну – ни о самой дешёвой пластмассовой машинке, ни о паре клетчатых ковбоек, ни о новых брюках – речи не было, ему это и в голову не приходило. Ехал он повидаться с любовью всей своей жизни, коварно ему изменившей когда-то с его же начальником. Он долго маялся у калитки, не решаясь войти, и, покашливая от волнения, срывающимся на фальцет голосом жалобно вскрикивал: «Клара, Клара!»

Клара не слышала – она была в доме, варила обед. На участке копошилась Фаина, на крики бывшего зятя особо не реагируя. Спустя примерно полчаса она поднимала голову и спрашивала недоумённо:

– Чего орёшь?

– Фаина Матвеевна, – жалобно просил он, – позовите, пожалуйста, Кларочку.

Фаина распрямлялась, не спеша тёрла затёкшую спину, ещё минут десять думала, а стоит ли вообще реагировать на просьбу этого товарища, и, повздыхав, медленно направлялась к дому позвать дочь. Клара возникала на крыльце – гордый вид, руки в боки.

– Ну, – кричала она с крыльца, – что припёрся? Чего надо?

– Кларочка, можно зайти? – заискивал бывший муж и уже просовывал узкую ладонь в щель между штакетником, пытаясь скинуть ржавый металлический крючок, запиравший калитку изнутри.

Клара, в той же воинственной позе, подбоченясь, с ножом

или поварёшкой в руке, молча и неодобрительно смотрела на эти действия.

Жалко улыбаясь, отец Алика протискивался в калитку и шёл по тропинке к дому, но вход туда перегораживала мощным телом любовь всей его жизни – Клара.

Ничего-ничего, главное – пустили, радовался он и присаживался на шаткой скамеечке у дома, ставил коробку с тортом, вынимал клетчатый платок и долго и тщательно вытирал им вспотевшее лицо.

– Жарко! – оправдывался он.

Клара молчала. Тогда, поняв в очередной раз, что здесь ему ничего не предложат, он жалобно просил принести ему водички. Так и говорил – «водички».

Клара слегка медлила, потом разворачивалась и уходила в дом за водой, а он вытягивался в струнку, трепеща, сладко замирал, с восторгом и страстью глядя на её ещё крепкие ноги и могучие ягодицы, грозно перекатывающиеся в фиолетовом трико.

Клара выносила воды в ковшике – ещё чего, в чашке подавать. Он жадно пил, а она с ненавистью смотрела на его острый кадык.

– Ну! – повторяла она нетерпеливо.

Бывший муж мелко и торопливо кивал, приговаривая:

– Да-да, конечно, сейчас, сейчас, Кларочка. – И дрожащей рукой суетливо вытаскивал из кармана брюк мятый конверт. – Здесь всё за четыре месяца, Кларочка, – суетился он.

Это были алименты на Алика.

Клара открывала конверт, пересчитывала деньги, результатом, видимо, довольна не была, но настроение у неё явно улучшалось.

– Чай будешь? – великодушно спрашивала она.

Бывший муж счастливо кивал – не гонит, не гонит, ещё какое-то время он побудет возле неё! Они заходили в дом, и он подобострастно спрашивал:

– Как дети, как Инночка?

Не как Алик – родной сын, а как Инночка – материнское счастье, родившаяся от соперника. Знал, чем потрафить. И Клара извергала свой гневный монолог – денег не хватает, бьётся как рыба об лёд, мать совсем в маразме, все постоянно просят жрать, рвут её буквально на куски – поди подними двоих детей!

– Алик – бестолочь! Такой же болван, как и ты! Малахольный, одним словом, – мстительно и с явным удовольствием сообщала Клара бывшему мужу. – Только бы мяч гонять целыми днями, ни толку от него, ни помощи! Инночка, – взгляд при этом у неё теплел, – конечно, прелесть, единственное утешение в жизни, только это сердце и греет. А так не жизнь, а ярмо и каторга.

Бывший муж усиленно кивал, поддакивал, пил пустой чай и опять вытирал носовым платком мокрое лицо. А Фаина тем временем на скамейке столовой ложкой жадно поедала оставленный бисквитный торт, щедро украшенный раз-

ноцветными маслянистыми кремовыми розами. У неё был свой праздник.

– Алика позвать? – напоминала бывшему мужу Клара.

Он оживлённо кивал:

– Да-да, конечно. И Инночку тоже.

Клара выходила на крыльцо, и раздавался её зычный рык:

– Алик, Алик, иди домой, придурь небесная! – И сладко и нежно: – Иннуля, доченька, зайди на минутку!

Инна появлялась быстро – от дома она далеко не отходила. А вот Алик гонял где-то, счастливый, по посёлку на чьём-то велике, который великодушный хозяин предоставил ему на полчаса – из жалости и благородства.

Инна заходила и садилась на стул – молчком. Отец Алика расплывался в улыбке и гладил её по волосам.

– Чудная девочка, чудная. Красавица какая! – восхищался он.

Довольная Клара делано хмурилась и жёстко бросала:

– Да уж, не твоя порода! Удалась.

С лица бывшего мужа сползала улыбка, и начинали дрожать губы, но отвечать Кларе он не решался. Силы были явно не равны.

– Ну, всё, – объявляла Клара. – Некогда мне тут с тобой. Свидание окончено.

Он неловко и проворно вскакивал с табуретки, благодарил за чай, опять гладил Инну по голове и, суетливо прощаясь с Кларой, торопливо шёл к калитке. Довольная Фаина

проводила его сытыми глазами, затянутыми плёночками катаракты, понимая, что сейчас, когда грозная дочь увидит наполовину пустую коробку от торта, разгорится нешуточный скандал.

По центральной улице, называемой в народе просекой, смешно, прыгающей походкой шёл к станции немолодой, тощий и лысоватый мужчина. Заметив стайку местных мальчишек, он, прищурясь, слегка всматривался – один, на стремительно отъезжающем велосипеде, тощий, голенастый и темноволосый, был похож на его сына Алика. Наверное, он, равнодушно отмечал про себя мужчину, но бросал взгляд на часы и не окликал мальчишку. Во-первых, торопился в Москву, а во-вторых, особенно было и неохота. В конце концов, приезжал он сюда не за этим. А то, за чем приезжал, он и так получил. Сполна. И был почти счастлив.

– Видали? – Клара висела на заборе, призывая Евгению Семёновну, сидевшую с тяпкой на грядке клубники, к разговору.

Евгения Семёновна поднимала голову, вставая, выпрямлялась. Она бывала почти рада короткой передышке – возиться в огороде не очень-то любила, просто муж очень любил клубнику.

– Видали? – грозно вопрошала Клара. – Шляется, чёрт малахольный, глаза б мои его не видели. Деньги привёз – ха! Слезы, а не деньги!

– Ну, Клара, вы несправедливы, – откликнулась Евгения

Семёновна. – По-моему, он человек порядочный, вы за ним не бегаете, да и потом, любит, видно, вас. Простил измену, зла не держит.

– Любит, – возмущённо повторяла Клара, – ещё бы не любил! А вот я его, Евгения Семёновна, терпеть не могла. Ну просто не выносила. Ночью от отвращения вздрагивала, когда он до меня дотрагивался. Лучше с жабой спать, ей-богу.

«Тоже мне, Брижит Бардо», – вздыхала про себя Евгения Семёновна.

– А зачем же вы, Клара, за него замуж вышли? Если он был вам так неприятен? – поинтересовалась она однажды.

– Из-за квартиры, – просто и бесхитростно ответила Клара. – Мы же с матерью жили на Пресне, в коммуналке, в семиметровой комнате. Ещё девять семей. А тут хоромы – двухкомнатная, кухня, ванная. Он год за мной ходил, покоя не давал. А я ведь была хо-ро-шень-кая, – грустно вздохнув, по складам произнесла Клара, глядя куда-то вдаль.

Евгении Семёновне верилось в это с трудом. Но, словно желая подтвердить сказанное, Клара упорхнула в дом и тут же вернулась с целлофановым пакетом, полным фотографий.

«И вправду хорошенькая», – мысленно удивилась Евгения Семёновна. Молодую Клару она не знала – эту дачу они с мужем купили всего около десяти лет назад, когда Клара уже выглядела так, как сейчас. В молодости же она была похожа на крупную (ни в коем случае не громоздкую) и светло-

кожую мулатку – широкий нос, большие круглые карие глаза, пухлые яркие губы, короткие, выющиеся мелким бесом чёрные волосы.

Да, тяжеловата, пожалуй, для девушки, но талия имеется, высокая большая грудь, крепко сбитые, сильные ноги. Необычная внешность, яркая, на такую точно обратишь внимание, обернёшься.

– Ну?! – нетерпеливо поинтересовалась мнением соседки Клара.

– Хорошенькая, – согласилась справедливая Евгения Семёновна. – Необычная такая.

– Вот именно! – подхватила Клара и грустно добавила: – А в любви никогда не везло.

Покопавшись в пакете, она извлекла на свет ещё одно фото и сунула под нос Евгении Семёновне: широко и крепко расставив ноги, стоял солидный и, видимо, высокий мужчина в белой майке и широких брюках. Лицо у него было крупное, значительное, взгляд уверенный и вызывающий. Было видно, что на этой земле на ногах он стоит уверенно и прочно – в прямом и переносном смысле.

– Кто это? – спросила Евгения Семёновна. – Ваша первая любовь?

– Ну, первая – не первая, – усмехнулась Клара, – но главная – это точно. Инночкин отец, – спустя минуту добавила она, и глаза при этом у неё увлажнились.

Евгения Семёновна однажды краем уха слышала от Фаи-

ны эту историю, банальную донельзя: был нелюбимый, постылый муж, а тут такой орёл светлоокий – его начальник. Сошлись, конечно, оба молодые, яркие, горячие, но у того – семья, дети. Правда, он Кларе ничего не обещал – так, увлёкся яркой, темпераментной бабёнкой. А она возьми да забеременей, да ещё и рожать собралась. Он уговаривал избавиться – она ни в какую. Хочу, говорит, частицу тебя иметь. Если не тебя, то хотя бы плоть твою. Он разозлился и бросил её, непокорную, – ни помощи, ни денег. А она в любовном утаре мужа выгнала – глаза, сказала, на тебя, постылого, не глядят. Лучше одной с двумя детьми, чем такая пытка – каждый день с тобой в постель ложиться и твоё дыхание нюхать. Муж, вечный её раб, из своей же квартиры покорно ушёл – только чтобы не раздражать, не злить. Ушёл к матери, в барак без удобств на Преображенке, в тайной надежде, что не справится одна с двумя детьми, просто не справится. И позовёт. На любовь он давно не рассчитывал. Но гордая Клара не позвала. Страдала, рвалась на части: трёхлетний Алик – сын от нелюбимого мужа, обожаемая дочка Инна – от любимого человека, бестолковая старуха мать. Колотилась, как могла: до школы в детском саду нянечкой, там хоть ели сытно, потом в школьном буфете – уже не так вольготно, но что-то выносила, обливаясь от страха холодным потом. Подъезды мыла в соседнем доме – в своём стеснялась. Потом научилась вязать шапки и шарфы из ровницы – шаблонные, примитивные и бесхитростные, но шерсть была почти дар-

мовая: соседка работала на прядильной фабрике. Нашёлся и сбыт – родня этой соседки жила в Рязани, товар забирала с удовольствием. В Москве это не шло, а на периферии, в сёлах – отлетало будь здоров. Деньги невеликие, но худо-бедно с этого как-то кормились. Работать Клара уже не могла – инвалидность второй группы, что-то с щитовидкой, эндокринка совсем никуда, плюс астма – проклятая шерсть.

Евгения Семёновна представляла, что это была за жизнь. Образования у Клары не имелось, каких-то способностей, к примеру к шитью, – тоже. Хозяйка она была никакая – ни фантазии, ни вкуса.

В доме нелепо громоздилась старая мебель – неудобные, громоздкие шкафы с незакрывающимися дверцами, шаткие, колченогие стулья, выцветшие линялые занавески, кастрюли с чёрными проплешинами отбитой эмали. От бестолковой матери, кроме её пенсии, помощи не было никакой. Оставить детей – кто-нибудь обязательно упадёт, коленки разобьёт, руку вывихнет. Дети, правда, нешебутные, но Алик нашкодить мог с удовольствием, тихо, исподтишка, а Инночка – точно ангел, сидела целый день, смотрела телевизор, не прекращая, жевала пряники. Правда, говорить начала после трёх, а буквы и к школе никак не могла запомнить. Не хочет – и всё. Неинтересно ей. Алик, тот книжки запоем читал и учился неплохо – тройка только по пению и физкультуре. А дочь – двойка на двойке, сидела за последней партой и молчала, в учебниках писателям носы и уши подрисовывала.

– Развивать её надо, – сетовала с досадой молодая учительница.

А как развивать, если ей всё неинтересно? В хоре петь Инночка не хотела, на танцы её не взяли, в художественный кружок тоже – простой домик с крышей нарисовать не могла.

«Ничего, – успокаивала себя Клара, нежно глядя на спящую дочку. Сердце её разрывалось от любви. – Ничего, зато хорошенькая, как куколка. Я тебя замуж удачно выдам, за приличного человека, не голодранца. Я тебе судьбу устрою, через себя перекинусь, а устрою. Только на тебя, моя красавица, одна надежда. Не на этого же малахольного, что с него возьмёшь – одни убытки!» – И она кидала гневный взгляд в угол комнаты, где на раскладушке, выпростав худую, в цыпках, голенастую ногу, с полуоткрытым ртом, спал её нелюбимый сын. Потом, вздыхая, Клара нежно целовала спящую дочь.

На следующее лето Клара приехала на дачу с матерью и Инной. Для Алика удалось выхлопотать путёвку в лагерь на Азовском море. Всё повторялось чётко по сценарию – Фаина бестолково возилась в огороде, с гордостью демонстрируя соседям то жалкий, бледно-жёлтый, с мизинец, хвостик морковки, то кривоватую свёклу размером с орех, то полведра такой же мелкой картошки.

– Своя! – при этом с гордостью объявляла она.

Клара вздыхала и безнадёжно махала рукой. Инна всё толстела, грызла то сухари, то печенье, так же сидела кулём на

бревне за калиткой, молчала и смотрела на мир красивыми, с яркой синевой, незаинтересованными, туповатыми глазами. Клара в своём неизменном дачном «наряде» варила свои неизменные обеды, стояла подбоченья на крыльце, нещадно ругая мать, сцепляясь с соседями, всех критикуя и нахваливая свою ненаглядную дочь. Об Алике она не вспоминала.

Он приехал в конце августа сам, на электричке, с маленьким старым коричневым чемоданчиком – встречать с юга Клара его не поехала. Был он загорелый, сильно вымахавший, голенастый и по-прежнему нелепый и угловатый.

– Явился, малахольный, – тепло приветствовала его мать.

Алик привёз всем подарки: пластмассовую, блестящую, с камушками, заколку для сестры, маленький пёстрый платочек для бабки и шкатулку из ракушек для матери. Мать повертела в руках шкатулку и бросила:

– Надо на такое говно деньги тратить!

Евгения Семёновна – свидетельница этой сцены – расстроилась до слёз и, когда муж уехал в Москву, с гневом говорила Кларе. Та искренне удивилась:

– Что вы, Евгения Семёновна, да не обиделся он вовсе. Ну правда, что деньги на ерунду-то тратить! Они же у нас считанные!

– Господи, Клара, но вы же не понимаете элементарных вещей! Вы вроде неплохая женщина, сами столько страдали! Откуда же такая чёрствость по отношению к собственному ребёнку! Мальчик старался, деньги на мороженое не проел,

а вы так – наотмашь. Это, конечно, не моё дело, – горячилась Евгения Семёновна, – но смотреть на это просто невыносимо.

Клара с удивлением взглянула на соседку:

– Ну и не смотрите, Евгения Семёновна, займитесь своими делами. – И, развернувшись, она удалилась в дом.

Евгения Семёновна проплакала весь вечер – благо муж уехал и скрываться было не от кого.

«Господи, куда я лезу? Разве можно научить эту хабалку, это чудовище чувствовать? Бедный, бедный Алик! Несчастный мальчик!»

Вдруг в голову пришла простая и гениальная мысль. Забор! Конечно же, забор! Не жалкий прозрачный штакетник, безжалостно вываливающий на нас подробности чужой непонятной жизни, на которую невыносимо смотреть, а плотный, без единой щелочки, горбыль, высокий, два метра точно. Вот благо, вот спасение. И Евгения Семёновна, успокоившись, решила, что, как только приедет на выходные муж, она с ним поделится своими мыслями. А причину и придумывать не надо. Надоели. Просто надоели – и всё. Давно надо было сообразить, хватит сердце рвать невольными наблюдениями. Всё равно эту халду Клару с места не сдвинуть.

Алика к себе, на свои чай, теперь она звать стеснялась – уже юноша, не ребёнок, возраст сложный, отягощённый обстановкой в семье, обидится ещё на эту жалость. Проходя

как-то по просеке в местную лавочку за хлебом, столкнулась с ним.

– Как ты вырос, Алик! – Смутились почему-то оба. Вырвалось: – Что не заходишь совсем?

Алик помолчал, а потом тихо бросил:

– Да дела всякие.

Она кивнула.

– Шкатулку ты очень красивую матери привёз, – для чего-то сказала она. Он покраснел, опустил глаза, смущённый, понимая, что она слышала Кларину пренебрежительную реплику по поводу его подарка, и грубовато бросил:

– А ей не понравилось. – А потом простодушно добавил: – Лучше бы я вам её привёз.

У Евгении Семёновны сжалось сердце. Проглотив предательский комок в горле, она попыталась ободрить мальчика:

– Ну, в следующий раз, Алик, всё впереди.

Чтобы не разреветься, опустив голову, она быстро пошла по тропинке. А он её нагнал, рванул тонкую тесьму на шее и протянул что-то в кулаке:

– Это вам.

Он разжал длинную смуглую ладонь, и она увидела там гладкий, отполированный временем и морем голыш с дырочкой почти посередине.

– Куриный бог, – вспомнила Евгения Семёновна смешное словосочетание. – Редкость какая! – подивилась она. – Не жалко?

Алик резко мотнул головой и крутанул колесо велосипеда. Велосипед рванулся вперёд.

– Спасибо! – крикнула вслед ему Евгения Семёновна.

Господи, какой тонкий ребёнок! Тонкий и несчастный. Опять зануло сердце. На Клару она обиделась за Алика на этот раз глубоко и всерьёз, но саму Клару это не очень-то беспокоило. В двадцатых числах августа она с дачи съехала – собирать детей к школе. Алик шёл в девятый класс. Инна с трудом переползла в седьмой.

* * *

В мае Евгения Семёновна уже выезжала на дачу – самое время сажать цветы, перекапывать грядки, высаживать рассаду, заполонившую все подоконники и возможные и невозможные пространства в квартире. Все эти баночки, коробки из-под сока, молока и йогурта очень раздражали её мужа.

Клара приехала в июне и вела себя как ни в чём не бывало. Обид она не помнила и ссор тоже – хорошая черта. Навалившись на хлипкий штакетник грузным телом, она между делом рассказала, что у Алика открылся внезапно какой-то талант по новому предмету – информатике, даже учитель этой самой информатики отдал ему свой старый компьютер, и Алик сидит за ним с утра до ночи и даже пишет какие-то программы.

– В общем, способности у него, – равнодушно добави-

ла она и переключилась на Инну. Теперь она спрашивала у соседки совета по поводу дальнейшего устройства Инниной судьбы, честно признаваясь (а это ей было нелегко), что учиться девочка совсем не может, тянет еле-еле. Дай бог, чтоб закончила восемь классов. А что потом? В парикмахеры? Хотя, сетовала горестно Клара, не такой судьбы она хотела бы для дочери, не прислуживать, и потом, на ногах целый день. – Может, что посоветуете, а, Евгения Семёновна? – жалобно спросила она.

– А об Алике вы не беспокоитесь? – резко отозвалась Евгения Семёновна. – Ведь если он не поступит – впереди армия. А куда ему армия, он такой неприспособленный, нестандартный ребёнок.

Клара беспечно отмахнулась:

– Да поступит он, куда денется? Педагог его сказал, что такого, как он, оторвут с руками и ногами. Факультет какой-то в МГУ, забыла, как называется. А вот с Инночкой что делать, ума не приложу! – И печальный её взгляд обеспокоенно затуманился.

Инночке меж тем можно было дать лет примерно тридцать: полная, сбитая, ядрёная бабёнка – какая там школа? Грудь четвёртого размера, подведённые прекрасные глаза, умело накрашенный рот, лак на ногтях. «Замуж ей уже пора, а не в школу с портфелем», – думала Евгения Семёновна.

Инна на улицу уже не выходила, а днями сидела на скамейке в саду, грызла семечки и смотрела вдаль. Бывший муж

Клары в то лето почему-то не появлялся.

Евгения Семёновна не спрашивала – она была не любопытна, но Клара поделилась сама, видно, её распирало.

– Ну, как вам это нравится? – с вызовом обратилась она к Евгении Семёновне.

– Вы о чём, Клара? – не поняла та.

– Да я про супруга своего бывшего. Про этого малахольного, – объяснила Клара. – Женился он, представьте себе. На своей же двоюродной сестре. Той – сорок пять, старая дева, придурочная по полной программе. – Клара весьма живо освещала этот сюжет. – Страшная! – с удовольствием отметила она и закатила глаза. – Тощая, на голове три пера, нос до подбородка! А сообразила! В общем, сошлись. – И, помолчав, она добавила: – У неё, между прочим, трёхкомнатная на Ленинском.

Это, видимо, задевало её больше всего.

– Ну так радуйтесь, Клара, – призвала её справедливая Евгения Семёновна. – Одинокие люди нашли друг друга. Пусть живут.

– Пусть, – вяло согласилась Клара. И опять тяжёло вздохнула: – Что делать с Инночкой, ума не приложу.

А Инночка сама разрешила сложный вопрос по поводу дальнейшего устройства собственной жизни. К середине августа Клара, случайно увидев как-то вечером голую Инну, натягивающую на пышное тело ночную рубашку, обнаружила, что дочь беременна. Пропустила это многоопытная, бы-

валая и ушлая Клара легко. У толстой Инны до шести месяцев живот был практически незаметен. Клара надавала ей по мордасам, а потом долго обнимала и целовала, периодически отстраняя её от себя и пытая, кто же отец ребёнка.

– Инночка, милая, ты только мне имя его назови, – елеинным голоском просила Клара. – Только имя! А дальше я всё сделаю сама.

Инна молчала и качала головой. Зоя Космодемьянская. Клара пыталась воздействовать то пряником, то кнутом, обещая Инне или свадьбу («Я это устрою!»), или хотя бы алименты («Куда он от меня денется!»). Инна сидела на кушетке и мотала головой.

– Я проведу расследование, я его посажу, – пообещала Клара.

Инна сунула матери под нос здоровущую фигу, а потом сказала:

– Иди отсюда, спать хочу. – И зевнула, широко и сладко.

Конечно, бедная Клара убивалась. Такую свинью подсунула обожаемая дочь – не этот поганец Алик, от которого всего можно ожидать, а Инна, тихушница и домоседка.

– Я, – сокрушалась Клара, – я виновата во всём, проглядела, прошлапила. За такой красоткой (это она о тупой Инне) нужен глаз да глаз. А где мне уследить! – Она уже шла в наступление. – Мне же надо думать о том, как семью кормить. Вон их сколько на моей шее! – Голос Клары постепенно переходил на крещендо.

Евгения Семёновна соседку жалела. Сочувствовала. Пыталась давать нелепые советы типа привлечь милицию – девочке только пятнадцать лет.

Но Инка Кларе пригрозила: мол, только начни копать, уйду из дома, меня не увидишь. Допустить этого Клара не могла. Постепенно она стала приходить в себя и мудро постановила: так – значит, так. Клара набрала побольше воздуха и принялась действовать. Во-первых, отвезла Инну в Москву, в женскую консультацию. Во-вторых, пошла к школьной директорисе – та оказалась нормальной тёткой, и они договорились, что формально Инна будет на домашнем обучении и в итоге получит аттестат о восьмилетнем образовании. Потом она поехала в институт, куда Алик собирался поступать, и нашла там декана. Алик уже ходил на подготовительные курсы и писал яркие работы, не было сомнений, что мальчишка – талант и обязательно поступит. Но цель у Клары была другая – выбить для Алика место в общежитии, иначе они не разместятся вчетвером в крохотной хрущобе со смежными комнатами. Декан объяснял, что москвичам общежитие не полагается. Клара из кабинета не выкатывалась, рыдала не прекращая и в общей сложности провела там два с половиной часа. Декан был уже готов жить на вокзале и поселить абитуриента Брудно в своей собственной квартире. Только бы эта сумасшедшая тётка наконец ушла. В итоге общежитие он пообещал. Громко сморкаясь, Клара покинула его кабинет.

Алик был опять задвинут на задворки – Клара устраивала судьбу любимой дочери. В ноябре Инна родила дочку. Клара подолгу вглядывалась в лицо младенца, пытаясь, видимо, разглядеть черты неизвестного участника этой истории. Девочка была похожа на Клару – чёрненькая, темноглазая, губастая. Внучку Клара полюбила всей душой. Но всё же единственной настоящей её страстью оставалась Инна, которая после родов ещё больше раздалась и по-прежнему была невозмутима. Часами стояла с коляской во дворе их московского дома на радость соседкам на лавочке у подъезда – они пытали её, кто отец ребёнка. К суровой Кларе с такими вопросами не обращались, боялись её гнева. Клара устроилась уборщицей в соседний магазин. Алик жил в общежитии, получал повышенную стипендию. Существовал автономно. Домой заезжал редко. Клару это не заботило.

Летом на дачу выехала вся семья – младенцу нужен воздух. Инна прогуливалась с дочкой по просеке. Особо любопытные совали нос в коляску, где лежала маленькая «Клара». Три раза в неделю Клара ездила в Москву на работу. Фаина продолжала свои аграрные опыты. Алик уехал на шашлыки куда-то в Центральную Россию – строить коровник. В начале сентября появился – загорелый дочерна, в потёртых джинсах и китайских кедах. Привёз семье приличные деньги. Клара не сказала ему ни одного доброго слова. Он выпил чаю и уехал в город. Ночевать не остался. Клара решила сдавать московскую квартиру – работать ей было уже тяжело.

Дачу нужно было утеплять – готовить к зиме. На Аликовы деньги она наняла рабочих из Средней Азии, поселила их в сарае, и они принялись за дело. Худо-бедно утеплили дом, подправили печку, запасли дров на зиму.

Евгения Семёновна испытывала чувство неловкости. Её дом – кирпичный, с АГВ и батареями, с горячей водой и туалетом в доме – всю зиму оставался пустовать. А Кларина хибара, несмотря на все ухищрения, вряд ли выдержит даже несильные морозы. А ведь в доме ребёнок и старуха. Измучившись, она наконец решилась на разговор с мужем.

– Пустить их на зиму? – рассвирепел он. – Ты совсем ума лишилась. Это же табор цыганский, всё сломают, всё засрут. Тебе-то что до них? У них есть квартира в Москве, пусть сами решают свои проблемы. Ты, Женя, полоумная, ей-богу! – И, не доев обед, он резко встал из-за стола.

Конечно, формально он был прав. Этот дом им дался с великим трудом, долго копили деньги, во всём себе отказывали. У Евгении Семёновны, с её педантичностью, всё было аккуратно, в идеальном порядке: кружевные салфетки, шёлковые, вышитые ею же наволочки на подушках, ковры, посуда – словом, всё наживалось нелегко, береглось и радовало глаз. И вправду, как пустить эту неряху Клару со всей этой оравой? Не приведи господи, потом до конца жизни не отмоешь и не приведёшь в порядок – всё разнесут, перебыют, искалечат. Нет, муж, конечно же, прав, как всегда, прав, да и как она может пойти ему наперекор! И правда, у всех своя

жизнь, свои трудности. Почему у неё, в конце концов, должна болеть совесть из-за абсолютно чужих безалаберных людей?

К следующему дачному сезону Евгении Семёновне открылась следующая живописная картина: Инна опять была в положении. На этот раз отец был известен: один из рабочих-таджиков, халтуривших на Клариной даче. Для Инны не существовало условностей, и она всю сожительствовала с новым кавалером по имени Назар – маленьким, тощеньким, чернявым, плохо говорящим по-русски. Назар теперь жил в Кларином сарае – Инна туда ходила на свиданки. Клару эти события так раздавили, что она уже практически не возмущалась – видимо, просто не было сил. В дом она Назара не пускала, и Инна носила ему еду, как собаке – в миске. Впрочем, прок от него тоже был – он подправил забор, сколотил новую калитку, скосил траву, поправил худую крышу. Клара его терпела.

Инна родила мальчика – чернявого, мелкого и юркого. Назар уехал на родину на побывку и почему-то больше не вернулся. Может быть, его там женили, а может, что-нибудь ещё. Словом, пропал, сгинул, испарился. Переживаний на Иннином лице заметно не было. По-прежнему непроницаемая, она катала по просеке коляску с младшим ребёнком, а рядом ковыляла уже подросшая девочка. Клара же продолжала тянуть свой тяжёлый воз.

А Алику тем временем задумал жениться. У него завязался

первый (и последний) серьёзный роман. Девочка с соседнего курса, Аллочка, тоненькая, с невыразительным личиком, тихая, скромная, родом из Мончегорска. А какая ещё обратит на Алика внимание? Алик влюбился без памяти – первая любовь, первая женщина. После первой совместной ночи сделал ей предложение. Она, конечно же, согласилась. Не из корысти, какая с него корысть? По искренней любви. Алик повёз Аллочку знакомить с матерью.

Подбоченьясь, Клара стояла на крыльце – заведомо готовая к атаке. Алик с невестой привезли шампанского, большой торт, цветы и игрушки детям. Клара придирчиво осматривала будущую невестку, и по всему было видно, что она не в восторге. Попили чаю, выпили шампанского, и молодые укатили в город. Клара, повиснув на заборе, жаловалась Евгении Семёновне:

– Ни рожи, ни кожи. Тела – и того нет. – Это она про будущую невестку. – Глиста в скафандре. Нищета, голь перекатная, чёрт-те откуда.

В общем, в невестки Кларе Аллочка явно не подходила и подверглась жестокой критике. То, что молодые жили трудно, в общежитии, учились на сложнейшем факультете, что девчонок было на этом факультете всего шесть, и одна из них – Аллочка, поступившая туда без блата и каких-либо денег, то, что молодые подрабатывали по ночам – писали курсовые, дипломы, – то, что девочка скромна, интеллигентна, из хорошей провинциальной семьи и, главное, безумно

влюблена в её сына – ничего в расчёт не бралось.

– Нищета, – презрительно кривя губы, повторяла Клара и резонно добавляла: – А зачем нам нищие, если мы сами такие?

Заметим: Инна, отцы её детей, её дети, её тотальная ту-пость и безделье – всё, что с ней связано, критике не подвергалось, ни-ни.

Свадьбу молодые играли в студенческой столовой – на большее денег, естественно, не было. Клара на свадьбу не поехала, правда, не по своей вине – заболели малыши. Конечно же, ничего ужасного, и их нерадивая мать Инна с ними бы справилась, не померла бы – подумаешь, температура. Но Клара бросить Инну в такой ситуации не могла. Алик – пожалуйста. Ничего, переживёт. В конце концов, там радость, а здесь беда. Где должна быть верная мать? Евгения Семёновна Кларе позавидовала – живёт человек трудно, да, трудно, но ни в чём не сомневается. Никаких душевных мук. Любит так любит. А не любит – ну, что поделаешь. Так всё и катилось. Фаина заболела, уже не выходила в свой огород и тихо умерла в конце августа. Инна возилась с детьми, Клара билась за хлеб насущный – квартиру они уже не сдавали, зимовать в доме было несладко: из щелей дуло, дети ходили в соплях. Клара работала в двух местах. Почему-то не возникало мысли посадить дома Клару, а молодую и здоровую кобылу Инну отправить на заработки.

А Алик окончил институт и уехал в Америку. Впрочем,

контракт он получил ещё на последнем курсе – его работой заинтересовался крупный промышленный концерн. Верная Аллочка была, конечно же, рядом. Жили они душа в душу – лучше не бывает. Алик пахал как вол. Сначала квартиру снимали, потом появилась возможность взять ссуду в банке, и они купили дом. Аллочка родила близнецов – Веньку и Даньку. Пошла работать – выплачивать ссуду за дом было нелегко. Наняли няню – молодую девочку из Тирасполя.

Алик передавал матери объёмные посылки с тряпками. Клара неизменно возмущалась, демонстрируя Евгении Семёновне очередную блузку или жакет:

– Зачем мне это? Что я – модница какая-то? Я женщина скромная и работающая. – Она подробно изучала ярлыки и наклейки с ценами и раздражалась: – Малахольный, как есть малахольный. Шестьдесят восемь долларов за эту несчастную юбку! Куда мне в ней ходить? На презентацию? Лучше бы деньги прислал!

– Он же хочет доставить вам радость, – увещевала её Евгения Семёновна. – Вы таких вещей сроду в руках не держали. Будьте справедливы, Клара. Алик – прекрасный сын. Ему сейчас ведь непросто, только на ноги встаёт, двое детей!

Всё напрасно. Клара опять возмущалась:

– А этот дом! – кипела она. – Нет, вы посмотрите на этот дом! – Она тыкала в лицо Евгении Семёновне цветные глянцевого фото. – Барин какой, посмотрите на него! Дом ему нужен в два этажа. И ещё подвал. Что он там, танцы устра-

ивает?! И говорит, что там так принято. Я же говорю – ма-
лахольный.

Доставалось и безобидной невестке Аллочке:

– Нет, вы подумайте, как этой задрыге повезло! Ведь смот-
реть не на что – тихая, как мышь, а она уже в Америке! Дом
у неё, няня! – Клара всхлипывала и утирала повлажневшие
глаза. – А Инночка моя – красавица, всё при ней, и что она
видела в этой жизни?

Евгения Семёновна, вздыхая, махала рукой и уходила в
дом. Далее вести диалог с Кларой не было никакого смыс-
ла. Материнская любовь слепа, глуха и не поддаётся никакой
логике, впрочем, так же, как и нелюбовь. Не учитывалось,
что Аллочка умница и труженица, верная жена и прекрасная
мать, а Инна – дура и ленивая корова. У Клары была своя
незыблемая правда.

Между тем дела у Алика пошли в гору – он оказался ге-
ниальным программистом. Теперь они могли позволить себе
много – ссуду быстро выплатили, купили прекрасные ма-
шины, наняли садовника и домработницу, ездили по всему
миру. Но при этом оставались такими же скромнягами и тру-
дьягами. И конечно, Алик не забывал мать и сестру. Теперь он
регулярно переводил им деньги, и в посылках оказывались и
норковые шубы, и золотые украшения. Клара, правда, опять
была недовольна: не тот цвет шубы, не того размера камень в
кольце или что-нибудь ещё. Она опять нещадно критиковала
сына. Сделала ремонт в квартире, поменяла на даче крышу и

забор, съездили с Инной и детьми на море. Алик звонил раз в неделю и спрашивал, не нужно ли ещё чего. Нужно было многое. Алик всё исполнял по пунктам. А потом решил забрать мать с сестрой и племянниками в Америку. Клара не хотела ехать ни в какую. Аргумент был прост:

– Что я там не видела?

– Клара, вы сумасшедшая, – уговаривала её Евгения Семёновна. – Это же такая прекрасная и удобная страна! У вас там будет замечательная и спокойная старость. И потом, вы столько всего увидите!

– Что я увижу? – удивлялась Клара. – Кислую рожу своей невестки?

– Ну, знаете! – задыхалась от возмущения Евгения Семёновна.

И всё-таки они собрались. Уговорила Клару Инна, сказав: «Может, я там замуж выйду?» Клара встрепенулась, но продолжала возмущаться и кудахтать. Как собраться, столько дел: продать дачу, квартиру, всё оформить. Дело и вправду нелёгкое для женщины весьма преклонного возраста. Инна, как всегда, в расчёт не бралась. Да и какой с неё толк?

Алик взял отпуск и прилетел в Москву. Купил скотч и коробки, чтобы паковаться, спорил с матерью по поводу старых кастрюль с отбитой эмалью и ветхого постельного белья. Клара кричала, что всё это нажито непосильным трудом и что она ни с чем не расстанется. Шантажировала Алика, что она никуда не поедет. Инна сидела у телевизора и грызла

орехи. Ни в сборах, ни в спорах она не участвовала. Клара обвиняла Алика, что он лишил её спокойной старости, насиженного места и, наконец, родины. Алик был терпелив, как агнец.

Инна вступала, кричала, что Клара – дура и хочет испортить ей перспективу. Клара ненадолго приходила в себя. Алик продал квартиру, деньги, естественно, положил на Кларино имя.

А с дачей вышло вот что. Клара дала ему доверенность на продажу. Он поехал на дачу и оформил дарственную на Евгению Семёновну, к тому времени овдовевшую и сильно нуждавшуюся. Евгения Семёновна, конечно же, от такого царского подарка долго отказывалась, сопротивлялась, как могла, плакала, но Алик был твёрд как скала.

– О чём вы говорите, это для меня такая мелочь, – сказал он, понимая, что от денег она просто откажется, не возьмёт ни в какую. – Вы для меня столько сделали! Только от вас я и видел в детстве тепло и заботу!

Евгения Семёновна опять заплакала. Алик обнял её, положил на стол бумагу с дарственной и вышел, оставив её потрясённой и обескураженной.

Клара об этом, естественно, не узнала. Алик просто положил на её счёт деньги за якобы проданную дачу.

В Америке он снял им квартиру недалеко от своего дома. – Чтобы семья была рядом, – объяснил он ей.

Но прекрасный, тихий, зелёный район Кларе не понравил-

ся.

– Я здесь от скуки помру, – уверяла эта «светская львица». А вот Брайтон произвёл на неё неизгладимое впечатление: – Там всё своё: и магазины, и люди, и океан наконец.

Алик снял ей квартиру на Брайтоне. Клара опять была недовольна:

– Не хочу жить в чужих стенах. Что я, беженка, что ли?

Алик не стал объяснять, что покупать квартиру дорого и невыгодно. Он просто купил ей квартиру на Брайтоне. С видом на океан.

Инна теперь целыми днями сидела на пляже, подставляя мощное тело лучам солнца. Дети пошли в школу. Клара ходила в магазины и заводила знакомства. У неё была цель – сосватать Инну. Свой товар она нахваливала усердно, тыча всем под нос Иннины фотографии десятилетней давности.

Про сына говорила небрежно – так, ничего особенного. Всегда был малахольным. Сын, дающий ей неплохое содержание, её по-прежнему не впечатлял. На его детей она тоже не реагировала, невестку подчеркнуто игнорировала – что о них говорить? А Инниных туповатых отпрысков обожала неистово.

Раз в неделю Алик возил Клару по окрестностям (Инна, кстати, сразу отказалась, заявив, что ей и на пляже хорошо). Клара мрачно комментировала увиденное. Америка не произвела на неё впечатления. Алик приглашал её на обед в рестораны – японские, французские, китайские, пытался уди-

вить. Клара беззастенчиво ковыряла вилкой в тарелке. Великая кулинарка Клара!

– У нас, на Брайтоне, вкуснее!

Там и вправду было вкусно. Но мы же не об этом! Алик привозил её к себе в дом. Кларе не нравились обстановка и Аллочкина стряпня. Аллочка тихо плакала и тихо обижалась. Алик это никак не комментировал.

Инна завела себе любовника – здоровенного негра-полицейского. В душе, конечно, Клара была не в восторге. Она рассчитывала как минимум на одессита – хозяина магазина женского белья или владельца ресторана из Бендер. Но счастье Инны для неё было законом, и она неумело варила для новоиспечённого зятя борщи. Через два года Инна родила очень смуглую девочку, хорошенькую, как кукла. Эта девочка стала самой пламенной Клариной любовью.

Полицейский на Инне не женился, но к ребёнку приходил исправно, грозно предупреждая в дверях Клару:

– No borsch, mam!

Клара с восторгом возилась с чёрной внучкой, а Инна по-прежнему грела окорока на брайтонском пляже. У неё был свой ритм жизни. И похоже, она была вполне счастлива.

Клара важно прогуливалась по Брайтону с коляской и на каждом метре цеплялась языком. И персики в Москве были лучше, и колбаса вкуснее, и люди добрее, и квартира у неё была чудная. А какая дача! Одним словом, послушать Клару – её прежняя жизнь была удивительна и роскошна. Аме-

рику она ругала нещадно, обвиняя сына в том, что привёз её, бедную, сюда, не считаясь с ней.

– Мне это надо? – грозно вопрошала она и, не дождавшись ответа, двигалась дальше, подталкивая коляску внушительным животом.

Умерла Клара ночью от инсульта, прочтя Инкину записку, что та уезжает с дочкой и своим возлюбленным в Алабаму – навсегда. Клара зашла в детскую, увидела пустую кроватку внучки, открыла шкаф – он тоже оказался пуст. Она упала на пол и не смогла дотянуться до телефона. К вечеру обеспокоенный Алик приехал к ней. Клара лежала на полу со сжатым кулаком.

На похоронах Алик безутешно плакал. Через полицейское управление он нашёл алабамских родственников Инниного любовника, но сестра на похороны не приехала.

Алик поставил Кларе памятник из розового мрамора. Написал трогательную эпитафию. Страдал. Не брился. Держал траур. Взял к себе Инниных детей, устроил их в дорогую школу. Продолжал высылать деньги сестре. Заказал у не дешёвого художника Кларин портрет по фотографии. Повесил его в спальне. Под портретом стояли живые цветы – всегда. На тумбочке у кровати в серебряной рамке стояла Кларина фотография.

Перед сном он тихо бормотал:

– Спокойной ночи, мамочка.

Аллочка вздыхала, долго ворочалась, удивляясь своему

мужу. И думала – действительно малахольный, Клара была всё-таки права.

И немного стесняясь своих мыслей, Аллочка засыпала, а Алик ещё долго не мог уснуть, страдал и смотрел на Кларину фотографию, тонувшую в ночном мраке счастливой семейной спальни.

Стелла Прюдон Счастье Конрада

Часть I

1

У Конрада Фольксманна, молодого человека тридцати шести лет от роду, в отличие от большинства его сверстников, была цель – стать канцлером Германии. Он уже не помнил, когда ему впервые захотелось этого: то ли когда он прочёл биографию Конрада Адэнауэра и захотел стать похожим на него; то ли когда он вместе с матерью вышел на уличную демонстрацию и, скандируя лозунги за объединение обеих Германий, прошёл насквозь их тихий городок Альтенбург, что к востоку от Лейпцига; то ли когда всего через несколько дней после демонстрации, в которой и он принимал участие, рухнула Берлинская стена, и он осознал, что и он может влиять на политическую жизнь страны.

Когда пришло время выбирать специальность и поступать в университет, Конрад, не раздумывая, выбрал политологию и вступил в ряды партии христианских демократов (ХДС),

основателем которой был их с матерью кумир Конрад Аденауэр. После университета Конрад переехал в Берлин и, поскольку в бундестаге ввели квоту для приёма на работу выходцев из бывшей ГДР, он без труда прошёл собеседование и получил первую в своей жизни должность – специалиста отдела обращений граждан Центрального бюро ХДС. Это казалось Конраду сказкой: то, что недавно было только мечтой, стало реальностью. Конрад, казалось бы, попал в правильную колею.

Но проходили годы, а в его жизни ничего не менялось. Он по-прежнему целыми днями обрабатывал запросы граждан. Конрад часто думал, как вырваться из этого бесконечного потока рутины, но не знал, как делать карьеру в политике. Его никто не приглашал, никто им не интересовался, а предлагать себя он не мог, не хватало наглости. Он только надеялся, что когда-нибудь и его звезда взойдёт, а все недоброжелатели и завистники ахнут. Его портрет займёт заслуженное место в одном ряду с Аденауэром и Колем, и матери будет что рассказать знакомым. А пока он предпочитал не торопить события, а находить и в нынешнем своём положении плюсы.

Поскольку он работал в отделе больше десяти лет, он, как никто другой, знал все тонкости работы. Шеф часто спрашивал у него совета и, понимая, что Конрад уже давно перерос свою должность, не скупился на похвалы. Зная, что на Конрада можно положиться, шеф оставлял на него весь отдел,

уходя по личным делам. Тогда Конраду приходилось делать и его, начальника, работу: писать отчёты, планы, обзоры. Порой обязанности шефа занимали всё время и до прямых обязанностей не доходили руки. Зато Конрад мог, в отличие от большинства коллег, приходить на работу позже и уходить раньше, а поскольку каждую пятницу он уезжал к матери в родной Альтенбург, его очень радовало, что не приходилось уезжать из Берлина вместе с гигантскими толпами, а можно было уйти с работы на пару часов раньше и добраться до Альтенбурга в полупустом вагоне.

2

В эту пятницу он, по обыкновению, приехал на работу с небольшим чемоданом, чтобы сразу после обеда отбыть на вокзал. Он уже собирался вслед за коллегами идти в столовую, когда вошёл его начальник, господин Кунце, полноватый господин с толстыми губами, лоснящимся лицом и расстёгнутой нижней пуговицей рубашки.

– Господин Фольксманн, вы не торопитесь?

– Я хотел пойти на обед, – ответил Конрад. – А что случилось?

– Здесь такое дело... Мне надо с вами поговорить, давайте присядем.

Предчувствуя неладное, Конрад сел и предложил сесть начальнику. Кунце вздохнул:

– Контролирующий орган, проверяющий работу функциональных департаментов, проверил и нашу работу. Было сделано несколько контрольных запросов в отдел с целью выяснить, как быстро мы на них реагируем и доходят ли на самом деле обращения граждан до руководства партии. С этим возникли проблемы. Эффективность работы отдела оказалась крайне низкой. Подсчитали общее количество запросов и ответов на них, и оказалось, что нами обрабатываются лишь тридцать процентов, а остальные семьдесят процентов игнорируются. Из этих тридцати процентов, которые мы худо-бедно обрабатываем, лишь один процент принадлежит вам. Если выражаться цифрами, вы обрабатываете всего двенадцать запросов в год, то есть примерно один в месяц. Остальные двадцать девять приходятся на ваших коллег, которые хоть и работают не идеально, но гораздо эффективней, чем вы. – Проведя потрёпанным носовым платком по лбу, Кунце спросил: – Как такое могло произойти? Что могло помешать вам обрабатывать больше запросов – это же ваша прямая обязанность! Это то, за что вам платят зарплату!

Конрад в ответ лишь пожал плечами, и начальник продолжил:

– Я не знаю, как мне быть. С одной стороны, я уважаю вас и ваш опыт, но с другой – проверка уже прошла и, если мы сейчас не примем мер и не накажем виновного, удар придётся на весь наш отдел. Нас уже давно хотят расформировать в целях экономии бюджета и вместо целого отдела назначить

одного человека из отдела прессы, ответственного за обращения граждан. Одного человека! – При этих словах начальник вытянул указательный палец вверх и, следя за ним, посмотрел на потолок. – Как такое возможно, чтобы один человек заменил целый отдел?! У них, по-моему, не все дома, – продолжая смотреть на указательный палец, шёпотом проговорил он. – Так вот, чтобы спасти отдел, в котором, кроме вас, у всех есть семьи, которые надо кормить, я должен пойти на жертвы.

– Что это значит? – не понимая бессвязную и затянувшуюся речь начальника, спросил Конрад.

– Это значит, что я вынужден вас уволить.

Конрад долго не мог понять смысла последней фразы. Не может такого быть, чтобы его уволили. В Германии никого не увольняют. Это невозможно!

– Это шутка? – спросил Конрад.

Начальник посмотрел на него с жалостью:

– Господин Фольксманн, вы что думаете, мне до шуток сейчас? Я не клоун! И я бы не стал никогда так шутить со своими подчинёнными!

Конрад почувствовал, что перед ним всё расплывается, и на время потерял способность думать. Это было несправедливо. Господин Кунце, как никто другой, знал, на что именно Конрад тратил рабочее время: на выполнение его, начальника, обязанностей. И по справедливости уволить должны были бы начальника, поставив на его место Конрада. Но ска-

зять об этом прямо Конрад не мог. Поэтому он лишь вымолвил:

– Но как, как такое возможно? Что мне теперь делать, куда идти?

– Я понимаю вас. Но ничего не могу для вас сделать. Всё, что мог, я уже сделал.

Начальник пожал плечами и добавил:

– К счастью, мы живём в Германии, поэтому у вас есть целых три месяца, прежде чем вы станете безработным. Эти три месяца вы можете потратить на то, чтобы найти новую работу. Советую не медлить и отправлять резюме в самое ближайшее время. А я, в свою очередь, дам вам рекомендацию и не буду ничего писать о причинах вашего увольнения.

Конрад не нашёл, что ответить начальнику. Поэтому тот продолжил:

– Понимаете, у меня семья – жена и трое детей – и всех надо кормить. Я взял дом в кредит, надо выплачивать каждый месяц. Столько обязательств. Если отдел расформируют, мне конец. А у вас нет семьи, которую надо содержать. Будь я холост, я бы ничего не боялся, а так...

Конрад видел, что начальник ждёт от него поддержки, и чувствовал себя виноватым, что не мог этой поддержки оказать. Он не находил нужных слов, поэтому они оба сидели молча, потом начальник резко встал, будто вспомнил о чём-то очень важном.

– Вы, кажется, собирались на обед. Не буду вас больше

отвлекать!

Конрад вспомнил, что действительно собирался на обед, и, не теряя ни минуты, вышел из кабинета.

3

По пятницам в столовой подавали свиную вырезку с картофелем и кислой капустой – любимое блюдо его отца, почившего полгода назад на шестьдесят пятом году жизни. У него был рак желудка, последние годы жизни он практически ничего не ел и, будучи гурманом, очень от этого страдал. Конрад вспоминал об отце каждый раз, когда видел это блюдо. Он не мог себе простить, что не попрощался с отцом, так как должен был всё время находиться рядом с испытывающей тяжёлую депрессию матерью. Конрад всегда с ней сидел, когда нужна была помощь. Она часто болела, жаловалась на сильные головные боли и боялась умереть.

Взяв поднос, Конрад ушёл в дальний угол многолюдной столовой – подальше от остальных – и без аппетита съел всё до последней крошки. Он не позволял себе оставлять на тарелках еду, даже если блюдо ему не нравилось. Он знал: надо съесть всё.

Внезапно у Конрада начала болеть голова. Боль, поднимающаяся, шла от висков ко лбу и, делая круг, возвращалась, пульсируя в висках. С чего бы это? Он выпался и не видел причин для мигрени. Сложив приборы на тарелку, Конрад резко

встал и, шатаясь, отнёс поднос на стол для грязной посуды. Затем поспешно, словно куда-то опаздывает, вышел из столовой. Голова кружилась, и он, схватившись за перила, пытался сохранить равновесие в ходящем ходуном помещении.

В сером коридоре – обычно многолюдном во время обеда – было на удивление пусто. «Как странно. Куда все подевались?» – подумал Конрад. Ему, обычно ищущему одиночества, вдруг очень захотелось к людям. Он вернулся в столовую и обнаружил, что и там почти никого нет. Две полные женщины собирали тарелки. Первая что-то рассказывала, вторая смеялась. Увидев Конрада, женщины перестали говорить и посмотрели на него.

– Вы что-то хотели? – спросила одна из них.

– А где остальные? – спросил Конрад. – Только что зал был полон, а теперь никого нет.

– А какое вам дело до остальных? Поздно вы пришли, молодой человек, никого больше не осталось! – При этих словах женщины засмеялись и хитро переглянулись.

– Да нет, я не голоден, я же здесь был только что, ел свинину с кислой капустой. Я точно помню, что ещё минуту назад зал был полон!

– Вы не могли сегодня есть свинину с кислой капустой. У нас сегодня на обед было нечто поинтереснее. – При этих словах женщины переглянулись, и Конрада бросило в жар. – А теперь ступайте к себе и не мешайте нам работать.

– Куда же мне идти? Я собирался ехать к матери в Аль-

тенбург, даже чемодан взял с собой, а теперь, наверное, не успею на поезд.

— А нам какое дело до вас? Идите куда хотите, только побыстрее — через минуту будет уже поздно! — сказала женщина и, развернувшись, неторопливо, но уверенно двинулась к нему. Конрад увидел, что в её фартуке два больших кармана. В одном из них она держала руку, нащупывая какой-то предмет.

Конрад отпрянул и, пролепетав «до свиданья», выбежал из столовой, подгоняемый зловещим и громким хохотом женщин. Коридор по-прежнему был пуст и наводил ужас. Выбора не оставалось: либо странная женщина, либо коридор. Если пройти эти страшные пятьдесят метров, за поворотом будет лифт, который довезёт его до третьего этажа. Но Конрад уже ни в чём не был уверен. А был ли лифт? А вдруг за этим коридором будет ещё один — длиннее и темнее первого? Что тогда он будет делать? Вернётся сюда или пойдёт дальше? Если ему удастся добраться до третьего этажа, он найдёт и стеклянный тоннель, соединяющий два крыла бундестага. А там уже до отдела рукой подать. Конрад представил путь, который ему предстоит пройти в полном одиночестве, и у него заколотилось сердце. Но было одно обстоятельство, которое заставляло его идти по коридору: если он не успеет на поезд, мать будет очень расстроена. Она всегда ждала Конрада к пяти с накрытым к ужину столом и обижалась, если тот опаздывал хотя бы на несколько ми-

нут. Уткнувшись обеими руками в холодную стену, он стал осторожно, как лазутчик, пробираться вдоль неё. Ноги заплетались. Коридор тянулся бесконечно. Конрад то и дело останавливался и прислонялся щекой к холодной стене, будто ожидая услышать, сколько ещё идти.

– С вами всё в порядке? – спросил какой-то мужчина и потряс Конрада за плечо.

Конрад огляделся и увидел, что он лежит на полу и вокруг него столпились люди. Вместо ответа он спросил:

– Откуда все эти люди?

– Они здесь работают, как и вы, я полагаю. – Мужчина внимательно, даже пристально посмотрел на Конрада. – А сейчас время обеда и все идут обедать. С вами точно всё в порядке? Может, врача вызвать?

– Нет-нет, я пойду.

Обрадовавшись неожиданно появившимся людям, Конрад встал, дошёл до лифта, доехал до третьего этажа, прошёл через стеклянный тоннель и направился в свой отдел. В кабинете никого не было. Он взглянул на часы и убедился, что всего 14.30 и он никуда не опоздал, а даже успеет ещё выпить чашечку кофе перед отбытием на вокзал.

Конрад отмерил кофе, включил кофеварку и открыл коробочку с шоколадным пирожным, купленным по дороге на работу. Пирожного не хотелось, у него болел живот и по-прежнему сильно кружилась голова. Он решил ехать незамедлительно. Если он прибудет на вокзал раньше, то смо-

жет выпить кофе там. А за кофе, который он сварил, коллеги только поблагодарят, потому что никто в их отделе почему-то не любил его варить. И поскольку Конрад откажется сегодня от своей порции, его чашечка тоже достанется кому-нибудь из коллег. Пирожное он может взять с собой: вот мама обрадуется, когда увидит, что у него для неё подарок!

4

Едва Конрад надел пальто, как в кабинет заглянул господин Кунце.

– А ваши коллеги ещё не вернулись с обеда? – спросил он.

Конрад покачал головой, и господин Кунце вышел, пожелав ему хороших выходных. При виде начальника Конрад вспомнил об увольнении, о котором, к своему удивлению, он уже успел забыть. Воспоминание закололо в груди. Он не хотел, чтобы мать волновалась. Но если он сегодня поедет в Альтенбург, мать всё поймёт по его глазам. Поэтому он решил, что в эти выходные не поедет в Альтенбург, а останется в Берлине в своей съёмной квартирке.

Конрад решил немедленно позвонить матери, но едва он подошёл к телефону и набрал номер, как в кабинет ворвались коллеги, продолжавшие начатый во время обеда разговор:

– Да, Germanwings – это что-то! На Рождество билетов не достать! У них только в рекламе цена за билет девятнадцать

евро, а на самом деле меньше, чем за сто, никуда не улететь!

«Хорошо им с их проблемами. Они думают о том, куда поехать на Рождество, а я должен искать работу. Как же это несправедливо!» – подумал Конрад.

Коллеги демонстративно вдыхали аромат свежесваренного кофе.

– Конрад, да ты уже кофе сварил!

– Это ты нам сварил, да, Конрад?

– А ты уже выпил кофе, тебе не надо оставлять?

– Вот это я понимаю!

Одна из женщин увидела открытую коробочку с пирожным и спросила Конрада, может ли она угоститься кусочком. Другие женщины подбежали и тоже отломали по кусочку.

– М-м-м, как вкусно, – заголосили хором женщины. – Молодец, Конрад! И что бы мы без тебя делали?!

Конрад улыбался, хотя на душе скребли кошки: «Не хватало ещё расплакаться перед всеми! Срочно ехать домой и позвонить оттуда маме».

Конрад попрощался и вышел из кабинета. Спустившись на первый этаж, он дошёл до крутящейся двери и кивнул вахтёру. Вахтёр странно посмотрел на него, как будто хотел что-то ему сказать, но Конрад не стал останавливаться и молча покинул здание.

Осенняя промозглая погода стала ещё более неприятной, чем утром. Накрапывал мелкий жалящий дождик и дул ветер, а у Конрада, как назло, не было зонта. Пока он дошёл до

автобусной остановки, его пальто и волосы стали мокрыми, но он этого не заметил. Подойдя к расписанию автобусов, он сверился с часами. Ближайший автобус – через семь минут. Целых семь минут ждать, именно тогда, когда ему надо было срочно добраться до дома и позвонить! Если бы коллеги не задержали его, Конрад успел бы на тот автобус, который ушёл три минуты назад, а теперь семь минут растянулись в целую вечность. Семь долгих минут ожидания и тягостных дум, что мама, должно быть, рассердится на него за то, что он не приезжает. Но он хотел во что бы то ни стало отменить поездку в Альтенбург и при этом не вызвать беспокойства матери, что было достаточно тяжёлой задачей, так как Конрад совсем не умел врать. Несколько раз, когда Конрад оставался в Берлине, мать внезапно приезжала к нему с проверкой.

– Сюрприз! – кричала она с порога, открыв дверь своим ключом. – Я нам тут поесть привезла! Ты наверняка ничего не ешь! – Конрад тут же вскакивал, если лежал на диване, и помогал матери затащить сумки в квартиру. – Я приехала проверить, как ты себя чувствуешь. А то упустишь болезнь, потом уже не нагонишь.

Болезни, свои и чужие, были её любимой темой. Она могла говорить об этом часами.

Мать заставляла Конрада лечь в кровать и не позволяла вставать без её разрешения. Раз в час мерила температуру и поила горькими самодельными настойками, от которых Ко-

нрад морщился. Покормив его и дождавшись, пока он заснёт, мать стелила себе на диванчике. Она всегда оставалась до тех пор, пока Конрад полностью не выздоровеет, а выздоровел ли он, решала тоже она: от одной до трёх недель могло продлиться полное и окончательное выздоровление сына. Только тогда, когда она давала «добро», он мог идти на работу, а она уезжала домой, вытребовав у него обещание не болеть и на выходные приехать «к своей старой, никому не нужной матери».

Но в этот раз Конрад, хоть и чувствовал недомогание, не хотел, чтобы мать приезжала. Он хотел обдумать, что ему делать через три месяца, когда он официально станет безработным. Он не представлял себя нигде, кроме политики. Но если его сейчас так позорно вытурят из отдела обращений граждан, то путь в бундестаг и в политику будет закрыт. Хоть начальник и пообещал дать хорошую рекомендацию, он знал, что есть ещё и внутренние каналы получения информации, и перед приёмом на работу в другой, даже самый незначительный, отдел бундестага они обязательно будут задействованы. Тупиковая ситуация, ставящая крест на карьере Конрада. Но пока он ещё работает, можно всё хорошо обдумать.

Мимо остановки с визгом проезжали машины. Когда прошло семь минут, а автобус не подъехал, Конрад заволновался. Странность усиливалась ещё и тем, что, кроме него, на остановке больше никого не было. Это могло означать толь-

ко одно: все, кроме Конрада, знали, что автобуса не будет, и только он по своей невнимательности остался в неведении. Сверившись с расписанием ещё раз, он понял, что ошибся, и автобус приедет ещё через десять минут, потому что в это время автобус ходил раз в двадцать минут, а не раз в десять минут, как будет часом позже. Он встал со скамейки и подошёл к обочине, чтобы лучше увидеть, как автобус будет подходить к остановке. Он был очень зол на себя за невнимательность и за то, что не решился позвонить матери с работы. Но не возвращаться же ему теперь в кабинет, да и коллеги его не поймут. А интересно, почему вахтёр на него так странно посмотрел? Может быть, он уже всё знает и жалеет его? Конраду стало неприятно от этой мысли. А может быть, он удивился, что Конрад уходит так рано – когда рабочий день ещё не кончился? Конечно, именно этим и объясняется этот недоумённый взгляд! Недовольство вахтёра обеспокоило Конрада: он мог сообщить в отдел кадров, и его могли уволить за нарушение трудовой дисциплины без соблюдения трёхмесячного срока. Может быть, всё-таки вернуться и позвонить из бюро, таким образом можно убить сразу двух зайцев: быстрее позвонить маме и убедить вахтёра в своей благонадёжности. Так он подумает, что Конрад выходил на улицу обедать, а теперь вернулся и будет работать.

Конрад уже собрался вернуться, но подошёл автобус и перед ним распахнулась дверь. Конрад несколько секунд колебался, так что водителю даже пришлось его поторопить:

– Молодой человек, вы едете?

Конрад нехотя достал из кармана пальто проездной и показал водителю. Зайдя в автобус, он не сел, потому что никак не мог решить, ехать ли ему домой или всё-таки выйти и вернуться в бюро пешком. Мысль о недовольном взгляде вахтёра очень его встревожила. Конрад боялся, что, не разрешив эту проблему сегодня, он все выходные будет терзаться страхом, что в понедельник к нему применят административные санкции с бессрочным увольнением и ни о каких трёх месяцах раздумий о том, что ему делать дальше, тогда и речи быть не может. Проехав две остановки, Конрад нажал на красную кнопку, чтобы водитель остановился. Выйдя, он пошёл быстрым шагом в обратном направлении – в сторону бундестага. Количество автомобилей увеличилось. Все они куда-то торопились. Мало кто из работающих в Берлинском правительственном районе жил в Берлине постоянно, обычно служащие проживали в пригородах или даже в других землях Германии, а в Берлине снимали квартиру.

5

Конрад решил вернуться и дождаться, пока уйдут коллеги, чтобы потом позвонить матери из бюро. А если они спросят, почему он вернулся, он скажет, что забыл сделать одно важное дело, не допускающее отлагательства. На мосту, отделяющем Конрада от здания, пришлось ускорить шаг, по-

тому что дождь и ветер усилились.

Забежав в здание, Конрад направился в комнату службы безопасности, чтобы показаться вахтёру, который недавно косо на него взглянул, но того не было, а на его месте сидела незнакомая женщина, вероятно, его сменщица.

– А ваш коллега где? Он вышел? – спросил Конрад.

– Кто? Хайнц? Так он ушёл уже полчаса назад. Его смена закончилась.

– Понятно, – разочарованно произнёс Конрад. – А когда он будет в следующий раз?

– Теперь его смена – в ночь с воскресенья на понедельник. А я могу вам помочь? – спросила женщина.

– Нет-нет, просто мне показалось, что ваш коллега хотел мне что-то сказать.

– Да? А как вас зовут? Я ему передам, что вы спрашивали.

– Хорошо, скажите, что я заходил в пятницу после обеда и спрашивал о нем. Конрад Фольксманн меня зовут. Я работаю в отделе обращений граждан, а сейчас я должен идти на своё рабочее место, так как меня ждут важные дела в моём кабинете.

– Конечно, я ему передам! – Посмотрев на Конрада с сожалением, женщина добавила: – Грустно, когда в пятницу вечером приходится работать!

Конрад кивнул и, не зная, что ответить женщине на это, показавшееся ему неоднозначным высказывание, пошёл в сторону лифта.

В кабинете, к радости Конрада, уже никого не было. Коллеги тоже ушли раньше, и это было как нельзя кстати. Он мог беспрепятственно звонить.

Конрад набрал номер телефона.

– Что? Не может быть! – услышал он голос матери. – Почему ты ещё в Берлине? Я тебя с минуты на минуту жду, а ты ещё даже не выехал из Берлина?!

– Мама, – начал Конрад робко, – мама, я сегодня не смогу приехать. Но ты не переживай, у меня всё хорошо, даже лучше, чем я ожидал. Меня, наверное, хотят повесить, потому что меня вызвала сама канцлер! – Конрад попытался придать своему голосу радостный тон.

– Сама канцлер! – Сначала Конраду показалось, что мать обрадовалась, но потом он понял, что ошибся. – Сама канцлер... – повторила мать. – Ну конечно, канцлер тебе дороже матери! Тебе все дороже матери! Если бы у неё, у этой твоей канцлерши, была совесть, она никогда не стала бы отвлекать чужого ребёнка в пятницу вечером от семьи. Как ей не стыдно?! А ты тоже хорош – не мог отказаться?

Конраду стало стыдно, что он, сам не желая того, очернил доброе имя канцлера в глазах матери, но не нашёл другой отговорки, которая, как ему казалось, успокоила бы мать. А теперь получалось, что эта его отговорка не только не успокоила, но даже наоборот – взволновала мать. Возможно, было бы лучше сказать, что он заболел? Но тогда бы мать непременно приехала! Что ему оставалось делать, как не солгать?

А теперь получается, что он своими выдумками задел мать за живое и она подумает, что он её разлюбил.

— Мама... — как мог более нежно и мягко произнёс Конрад. — Мне очень жаль, что я не смогу приехать... у меня нет выбора, поверь мне, иначе я бы обязательно приехал.

Но в ответ мать лишь сухо попрощалась и положила трубку.

Конрада очень тяготило, что пришлось солгать матери. Но ещё ужаснее было то, что ложь не помогла и мать обиделась на него. Он долго сидел в нерешительности, то поднимая трубку, то бросая её на рычаг, и размышлял, не позвонить ли ему матери ещё раз с извинениями и обещанием сейчас же выехать в Альтенбург? Или оставить всё как есть и позвонить в понедельник?

6

Посмотрев на часы, Конрад увидел, что уже начало шестого. Стояла тишина, и было слышно движение стрелки часов. Конрад встал и приоткрыл дверь в коридор. На серый ковролин падал тусклый свет. Здание было абсолютно пустым. Конрад закрыл дверь изнутри на ключ и сел за стол. Он долго сидел, а потом машинально включил компьютер, чтобы проверить почту. Конраду редко кто писал на личный ящик. Мать чаще общалась с ним по телефону, а университетские товарищи уже давно не писали ни электронных, ни тем бо-

лее бумажных писем.

Каково было удивление Конрада, когда он увидел письмо с логотипом Фейсбука: «Ваш друг Михаэль Янзен прислал Вам сообщение».

Конрад перешёл по ссылке и увидел сообщение. «Привет, дружище! – писал Михаэль. – Как поживаешь? Ты по-прежнему работаешь в отделе «жалоб и предложений»?;-)»

Интересно, почему это Михаэль заинтересовался Конрадом? Он никогда не писал ему, а тут вдруг объявился ни с того ни с сего. Сначала он хотел было оставить сообщение без ответа, но, поразмыслив, пришёл к выводу, что Михаэль с его обширными связями в политических кругах – он всё-таки стал депутатом бундестага – мог бы помочь ему с новой работой, и поэтому ответил максимально приветливо: «Да. А ты?»

Но Михаэль не стал отвечать на вопрос Конрада, а сразу перешёл к сути: «Я на днях был в Москве с парламентской группой, ко мне обратилась одна милая журналистка с просьбой рассказать, как обычные граждане могут достучаться до канцлера. Я не стал говорить ей, что никак, и пообещал связать с одним интересным собеседником, имея в виду тебя. Ты же не откажешь мне в просьбе пообщаться с юной особой на ставшую столь близкой тебе тему?;-)»

К чему эти смайлики и подмигивания? Если Михаэль обратился к нему, Конраду, чтобы обидеть, то ему это удалось! Как будто он сам не знает, что засиделся на этой работе. За-

чем ему об этом напоминать? Но Конрад решил, что не может позволить себе обижаться на Михаэля, который сейчас мог бы быть ему полезен, как никогда, и ответил:

«Да я, собственно, думаю о том, чтобы сменить эту работу...»

«Давно пора, дружище! – ответил Михаэль. – Ну так что, ты поговоришь с барышней? Я могу дать ей твои контакты?:-)»

«Да», – ответил Конрад.

Ничего более не сказав, Михаэль отключился.

Конрад смотрел на застывшую маску чата и недоумевал, как таким людям, как Михаэль, при всей их невежливости, удаётся многого добиваться? Конрад считал это несправедливым, но не понимал, куда ему на это жаловаться. Ему казалось, что судьба неблагосклонна к нему. Как иначе объяснить, что у одних было всё: жена, дом, машина, деньги, любовница, хорошая работа, дети и прочие атрибуты успеха, а другие всего этого лишены, несмотря на то, что не глупее, а иногда даже умнее? Вот Михаэль, например, что в нём хорошего? Почему ему удалось сделать карьеру в политике, а Конраду – нет, хотя они одного возраста, у них одинаковое образование, и даже родились они в одном городе. Правда, в отличие от Конрада, Михаэль очень рано съехал от родителей и стал жить самостоятельно, подрабатывая после учебы, а Конрад не мог позволить себе оплачивать отдельную квартиру, потому что мама не разрешала ему наниматься на тяжёлые

студенческие подработки, опасаясь за его здоровье. Но ведь не студенческие подработки сделали из Михаэля успешного человека!

Вдруг внимание Конрада было привлечено всплывающим окошком: некто под именем «Nadia» вышел в чат:

«Привет! Михаэль сказал, что ты профи отдела обращений граждан и я могу задать тебе несколько вопросов?»

«Да, конечно!» – ответил Конрад.

Но вдруг он вспомнил, что уже слишком поздно и его столь длительное нахождение в кабинете в пятницу вечером может вызвать подозрение у вахтёрши, которая видела, что он зашёл и не выходит, поэтому добавил:

«Только, если это возможно, давайте пообщаемся в понедельник, потому что сейчас мне надо срочно уйти». Обращение Конрада на «вы» не осталось незамеченным, потому что Надя ответила: «Да, конечно, я позвоню или напишу вам в понедельник».

Но Конраду сейчас было не до формальных тонкостей, он ругал себя за то, что задержался на рабочем месте, что могло вызвать подозрения, второпях выключил компьютер, оделся и закрыл дверь на ключ. У окошка вахтёрши Конрад приостановился и, пожелав женщине хороших выходных, вышел через крутящуюся дверь на улицу.

Впервые за день Конрад испытал облегчение. Холодный берлинский воздух казался спасительным. Чтобы немного отсрочить момент возвращения домой, где он останет-

ся один на один с собой, Конрад решил пройти пешком несколько остановок. Торопиться ему сегодня было уже некуда.

Оказавшись дома около полуночи, Конрад съел принесённую с собой китайскую еду, купленную в ресторанчике по соседству, выпил пиво и лёг спать. На раздумья о будущем у него больше не оставалось сил.

7

Проснулся он рано утром от сильной головной боли. Встал и почувствовал, что земля под ним шатается. Медленно, нащупывая дорогу вдоль стены, он прошёл на кухню и выпил таблетку обезболивающего. Он чувствовал сильное недомогание и не знал, что с ним происходит. В довершение ко всему сильно болел живот. Решив, что пока не стоит ничего предпринимать, он вернулся в постель. Когда он проснулся, был уже полдень.

Он поднялся с постели и подошёл к холодильнику: тот был пуст, потому что ночевать Конрад собирался в Альтенбурге и не сделал никаких запасов. Оделся, вышел на улицу, купил хлеб, масло и джем к завтраку и вернулся домой, сварил кофе и позавтракал. Было два часа дня, впереди ещё уйма времени для того, чтобы решить, что делать со своей жизнью дальше. Некоторое время он сидел и смотрел в одну точку. Мысли вихрем проносились в голове. «Неудач-

ник, неудачник, неудачник», – говорил один голос. «Как это несправедливо!» – вторил ему другой. Он вспоминал разговор с начальником, потом ему на память пришёл инцидент в столовой. Ему казалось, что кто-то жестоко над ним пошутил, заставив его поверить в то, что обед уже закончился и он остался в здании один. Его преследуют, это очевидно. Иначе как объяснить увольнение, угрозу странной женщины в столовой, исчезновение, а потом появление людей в коридоре, странный взгляд вахтёра... Кто-то усердно пытается отыскать его слабые стороны, чтобы обернуть их против него. Кому-то очень хочется нанести ему вред или даже убить.

Конрад вскочил со стула и заходил по кухне. Потом подошёл к двери и обнаружил, что входная дверь открыта. Закрыв дверь на все защёлки и замки, он подошёл к окнам и посмотрел вниз. На улице стояли парень и девушка, они курили и о чём-то разговаривали. Он никогда их раньше не видел.

Конрад отпрянул от окна, когда девушка, выпуская дым, вздёрнула голову и посмотрела прямо на него. Он плотно закрыл все ставни и задёрнул шторы. Затем стал открывать все шкафы в поисках подозрительных предметов. Сначала Конрад хотел позвонить в полицию и сообщить о преследовании, но потом передумал. А вдруг полицейские с ними заодно? Вдруг он своими действиями только ускорит свою смерть? Да, скорее всего, полиция с ними заодно. Иначе как бы им удалось преследовать его всё это время? У обычных

преступников нет столько ресурсов, сколько есть у полиции! Его хотят уволить с государственной службы, чтобы уничтожить. Служащего просто так не убьёшь, будет слишком много шума, а вот простого безработного – запросто. Хлоп – и нет человека. Вот почему его увольняют!

Конрад хотел было встать, чтобы походить по комнате – так ему легче думалось. Но комната заходила ходуном, и он упал. Сладостное чувство отрешённости растекалось по его телу.

8

Как-то давно Конрад видел в репортаже о России, как бездомные собаки в этой стране спят прямо на снегу. Он тогда подумал, что журналисты, наверное, подложили вместо снега вату, чтобы получился удачный кадр: невозможно же спать на снегу и не мерзнуть! Или у русских собак какая-то более плотная кожа, чем у немецких? Сейчас Конраду снилось, как кто-то вонзает в его ноги мелкие иголки, а сам он лежит в снегу, белом и красивом, как мягкое пуховое одеяло. Ему было очень холодно и больно, но встать он не мог. Он лежал, а вокруг него ходили Надя и Михаэль и говорили: «Тебя уволили, ты нам больше не нужен, поэтому можешь спокойно лежать в снегу и ничего не делать». Говоря это, они кидали в него острые иглы, словно артисты в цирке, и смеялись. Когда боль стала невыносимой, Конрад закричал, но

они не слышали и продолжали бросать иглы. От напряжения и боли он проснулся и с удивлением понял, что жив. Он лежал, сжавшись калачиком, на кафельном полу в кухне, ноги его затекли, ему было очень холодно, он стонал. Приподнявшись, он стал тереть ладонями предплечья и ноги, чтобы согреться, затем встал и, опираясь о стену, прошёл в спальню. Не раздеваясь, он лёг под одеяло и проспал всю ночь и весь следующий день.

Вечером «воскресенья» его разбудил телефонный звонок. Звонила мама: она хотела узнать, приедет ли Конрад в следующие выходные. Конрад ответил, что обязательно приедет. Наверное что-то в его голосе показалось ей подозрительным, потому что она спросила, не болен ли он.

– Немного голова кружится... И живот болит. Тошнит.

– И головные боли?

– Да... – нерешительно ответил Конрад.

– Боже ты мой, – запричитала мать. – Ну неужели и ты тоже?!

– Мама, что я тоже? – с тревогой спросил Конрад.

– У отца твоего те же симптомы были! Немедленно ложись в постель и не вставай, а я выезжаю в Берлин!

– Мама, не...

– Никаких «не»! Я так решила, значит, так и будет.

Конрад лежал в постели, ждал мать и думал об отце. Рак погубил его. Он не удивится, если и у него, Конрада, обнаружат рак. Напротив, он посчитает этот диагноз само собой разумеющимся в его череде неудач. Неудач? Пожалуй, наоборот, смертельная болезнь будет как раз избавлением от одиночества, мучительных раздумий и страхов, освобождением от тягот жизни. Как, наверное, пожалеют его недоброжелатели о своём коварстве, когда увидят, как жестоко они обращались с ним, смертельно больным человеком. Конрад представил себя, обессиленного, на больничной койке. Химиотерапия не помогла, и он умирал, а рядом плакала бедная мать. Да, вероятнее всего, у него рак, именно рак – причина его недомоганий и головокружений, всех его проблем. Рак был врагом, с которым у него, Конрада, не осталось сил бороться. Но как выглядел этот враг? Представив себе опухоль, Конрад, однако, не чувствовал никакой злости на пузырь, похожий на сдувшийся воздушный шарик красного цвета. Но опухоль стала надуваться и увеличиваться, принимая всё более гладкие округлые формы и всё больше и больше напоминающая человеческий облик. Шар надул щёки, здоровые и румяные, у него появились глаза, нос и рот, и он заговорил голосом матери. Что он говорил, Конрад не слышал и слышать не хотел, потому что не мог позволить себе злиться на мать. Ко-

нрад дёрнул головой, пытаюсь стряхнуть навязчивый образ с красного ракового шара, но у него ничего не получалось. Чем больше он пытался перестать думать об этом, тем больше картинка заполняла воображение. Тогда Конрад решил пойти на хитрость и стал вспоминать лицо отца, пытаюсь заменить рисунок на шаре. Отец накладывался плохо, смутно, нечётко, поверх лица матери, так что шар превратился в мешанину лиц.

– Рак... у меня опухоль головного мозга, – тихо произносил Конрад, представляя перед собой сочувствующего слушателя. – Как я себя чувствую? Ужасно болит и кружится голова, тошнит постоянно, я не могу есть. Не хочу есть. Только пить хочу. Рак у меня наследственный.

«Как, наверное, удивится Надя, когда завтра будет пытаться достучаться до меня в Фейсбуке», – думал Конрад. Он не будет ей отвечать, и она подумает, что он передумал давать интервью. А может быть, Михаэль дал его рабочий телефон – она позвонит, и ей скажут, что он заболел. Что, интересно, она сделает? Конраду хотелось, чтобы Надя обо всём узнала.

Той же ночью приехала мать и, увидев Конрада, вызвала «Скорую помощь».

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо, – твердила мать, когда Конрада усадили в кресло-каталку и везли по коридору больницы.

– Конечно, всё будет хорошо! – слышала она бас медбрата. – Доктор Краузе и не таких больных поднимал.

Конрада приняли без промедления. Осматривая больного, доктор то и дело произносил:

– Хм... хм... интересно, интересно... хм...

– Я боюсь, доктор, что у него рак. Мой муж тоже умер от рака, – тараторила мать.

– Ну этот здоровяк ещё не умер и, дай бог, жить будет долго!

– Но вы хорошо посмотрите: все признаки налицо. Голова кружится, боли, обмороки, тошнота. Только внимательно смотрите.

– И что же вы хотите, чтобы я увидел, уважаемая?

Оторопев, мать промолчала.

– Молодой человек, встаньте, пожалуйста, – сказал врач, обращаясь к Конраду.

– Да что вы, доктор! – запротестовала мать. – Ему нельзя вставать, он же падает!

– Если вы будете мешать мне проводить осмотр, я буду вынужден попросить вас выйти из кабинета, – строго сказал врач.

Мать поджала губы и стала смотреть в сторону, а Конрад встал и зашатался. Доктор поддержал его за локоть и попросил сделать несколько шагов вперёд.

– Кружится голова?

– Когда вы меня держите – не кружится. А когда отпускаете, начинает кружиться.

Доктор усадил Конрада и стал писать что-то в своей тет-

ради.

– Вы женаты?

– Нет, доктор, он не женат, – ответила мать. – У него времени нет жениться, всё работает. В бундестаге, с Меркель! Эта особа его даже домой на выходные не отпускает, какая уж там женитьба!

Было видно, что врач хотел спросить что-то ещё, но потом передумал.

– Хорошо. Несколько дней вам надо будет провести у нас, чтобы сдать необходимые анализы. Без анализов я не смогу назначить вам лечение.

– Хорошо, – ответил Конрад.

– Хорошо, – также согласилась мать. – А я могу с ним остаться?

– Зачем?

– Как зачем?! А присмотреть? Вдруг ему плохо станет?

– Могу вас успокоить, госпожа... – доктор заглянул в карту Конрада, – Фольксманн, у нас прекрасно обученный медицинский персонал. Так что я прошу вас успокоиться и идти домой.

– Да, мама, – нежно проговорил Конрад, – не переживай.

10

В больнице Конрад осунулся. Он не ел, еда вызывала отвращение. Он перестал вставать с постели, сделав исклю-

чение лишь однажды, когда белый голубь, заблудившись в осеннем тумане, не увидел (или, как счёл Конрад, не хотел видеть) прозрачного стекла, разделяющего его и палату Конрада. От этого удара палата задрожала, а в ушах Конрада пронёсся свист, вырвавший его из полуденного дрёма. Он бросился к окну: по идеально прозрачному стеклу расходилась паутинка трещины, окрашенная кровью с прилипшим белым пером. Происшествие с голубем показалось Конраду дурным предзнаменованием, у него закружилась голова, и он упал. Сочувствующий взгляд медбрата, шёпот соседей по палате, старающихся как можно меньше беспокоить тяжёлобольного; потухший взгляд матери. Конрад был готов к худшему. Целую неделю длилось ожидание, и в конце недели его, наконец, принял врач, чтобы сообщить результаты обследования.

Конрад едва мог сдержать дрожь, краска совсем сошла с его лица, когда он вошёл в сопровождении матери в кабинет врача.

— А, господин Фольксманн, — буднично сказал доктор Краузе. — Ваши анализы готовы.

Мать положила руку на плечо Конрада.

— Хочу вас поздравить, — медленно произнёс врач, продолжая изучать результаты анализов. — Всё в норме. У вас не обнаружено ничего, абсолютно ничего, что могло бы вызвать тревогу.

Конрад смотрел на врача с недоумением, а мать залилась

краской.

– Вы уверены, доктор? Совсем ничего?

Врач отрицательно покачал головой.

– А как же симптомы? – И, не дождавшись ответа врача, продолжила: – Вы знаете, у меня в прошлом году тоже подозревали рак, но его не нашли. А причиной моего недомогания был клещевой энцефалит. Вы уверены, что у Конрада нет клещевого энцефалита?

– Уверен, абсолютно уверен. У него ничего нет. Он здоров.

Мать была явно озадачена. В довершение ко всему врач попросил оставить его с пациентом наедине. Когда женщина вышла, врач пристально посмотрел на Конрада:

– Господин Фольксманн, я сказал вашей матери, что вы абсолютно здоровы, но это не совсем так.

Увидев в глазах Конрада тревогу, врач поспешил пояснить:

– Вы абсолютно здоровы физически. Но ваши симптомы, головокружение, тошнота и прочее, могут говорить о значительных душевных расстройствах. Поэтому я вам настоятельно рекомендую обратиться к хорошему психотерапевту. – Доктор Краузе протянул ему листок с написанным от руки номером телефона и фамилией. – Вот, возьмите. Доктор Вальтер – психотерапевт высшего класса.

– Но что же я ему скажу? – со страхом вымолвил Конрад.

– Вам достаточно будет к нему прийти. До всего осталь-

ного он докопается сам. Эти малые вытащат на поверхность что угодно, – хмыкнул доктор Краузе и добавил: – Только пойдите к нему без мамы, о'кей?

Конрад положил свёрнутый лист бумаги во внутренний карман пиджака и вышел из кабинета. Когда мать спросила, что сказал ему врач, Конрад лишь ответил, что тот посоветовал ему спокойней относиться к жизни.

– Нашёл, что советовать. А ещё врач называется!

11

Дома Конрада ждало сообщение на автоответчике:

«Привет, Конрад. Я звонила тебе на работу, мне сказали, что ты заболел. Что-то серьёзное? Хотела узнать, как ты себя чувствуешь. Если не сложно, напиши пару строк в Фейсбук или позвони мне на мобильный...»

Это была Надя. Конрад прослушал сообщение ещё раз. На этот раз его поразила её голос: такой тёплый и нежный, он дразнил воображение и радовал слух. Хотелось слушать его ещё и ещё. Записав номер телефона, он решил звонить немедленно.

– Алло, слушаю, – услышал он на том конце русскую речь. Он решил сразу говорить по-немецки:

– Халло, Надя?

– Да? А кто это? – Надя тоже перешла на немецкий.

– Это Конрад Фольксманн, вы мне звонили, просили пе-

резвонить. Я лежал в больнице, а теперь выздоровел, услышал сообщение и сразу перезваниваю.

– О, Конрад! Я очень рада тебя слышать! Как ты себя чувствуешь? Что с тобой было?

– Да так, ничего страшного. Просто небольшое недомогание, – поспешил ответить Конрад.

– Небольшое? Из-за небольшого недомогания – и сразу в больницу? Ну ладно, ладно, я не буду расспрашивать.

– Да нет, дело не в этом. Просто диагноз не подтвердился, и всё хорошо.

– Ну тем лучше! Я очень рада, что ты выздоровел.

– Если хочешь, можешь сейчас задать мне вопросы.

– Да нет, что ты! Какие вопросы! Давай потом, когда ты будешь на работе.

Надя засмеялась, и её смех показался Конраду обворожительным.

– Ты так красиво смеёшься, – промолвил Конрад.

– Ой, спасибо. А у тебя красивый голос, – возвращая комплимент, ответила Надя. – Конрад, расскажи мне что-нибудь о себе.

– Рассказать тебе что-нибудь о себе? Но что? – Конрад занервничал. Он не знал, как реагировать на такой вопрос. Он не знал, что рассказать о себе.

– Конрад, обед готов, иди мой руки, и за стол! – донёсся из кухни голос матери.

– Тебя, кажется, зовут кушать? – спросила Надя, смеясь.

– Да, это мама... Она не любит, когда я задерживаюсь, потому что обед остывает. Мне надо идти...

– Приятного аппетита!

– Спасибо... Пока! – неуклюже вымолвил Конрад и сбросил вызов.

Интерес Нади немного пугал Конрада. Что это может значить? Конрад помыл руки и пошёл обедать.

– С кем это ты разговаривал? – с ходу спросила мама.

– Коллега звонила, спрашивала, когда я выйду на работу, – соврал Конрад.

Мать усмехнулась. Конрад нахмурился и опустил голову, внимательно изучая содержимое своей тарелки. Больше всего на свете Конрад ненавидел тунца, от одного запаха этой рыбы в горле Конрада начинался спазм, но мать готовила её каждый раз, когда Конрад болел. Конрад не хотел огорчать мать, она же так старалась ради него, поэтому сказал, что не голоден.

12

Конрад чувствовал, что у него появилось нечто такое, о чём он хотел подумать в одиночестве. Мать, неодобрительно покачав головой, отпустила его. Но ему так и не удалось спокойно полежать. Мать с грохотом переставляла мебель и пылесосила, пытаясь создать в «берлоге», как она называла квартиру Конрада, подобие уюта. Пылесос то приближался

к его комнате, стуча о дверь, то отдалялся и уходил в другую сторону, то опять приближался, раздражая Конрада всё сильнее и сильнее. Мать всегда была против дверных замков, поэтому он не мог закрыть комнату на ключ. Если даже ему удастся изолироваться от шума, он не сможет избавиться от страха, что она внезапно откроет дверь, войдёт и прочтает его тайные мысли. Казалось, пылесос никогда не умолкнет. Прошло пятнадцать минут, а он всё работает и работает. Конрад ненавидел его.

Мать никогда не просила Конрада помочь по дому и всегда следила за тем, чтобы он был накормлен и аккуратно одет. Когда Конрад пошёл в школу, она вышла на работу. Через несколько недель ей показалось, что Конрад покашливает, и она в тот же день, взяв ребёнка в охапку, побежала к врачу. Врач сказал «ничего страшного», кашель пройдёт сам. Но женщина слёзно попросила выписать хоть какой-нибудь сиропчик и освободить Конрада от школы, а её — от работы, «чтобы ребёнок выздоравливал в благоприятных условиях». Неделю мать выхаживала Конрада, изгоняя лёгкий кашель сложной и только ей известной смесью химии и народной медицины, измеряя ему каждый час температуру и требуя показать, как он «сделал кака». Но кашель Конрада не проходил, а становился только сильнее. Теперь Конрад кашлял долго и мучительно.

Повторно пошли к врачу, и мать попросила Конрада показать, как он кашляет. Конрад продемонстрировал, и врач,

бегло послушав Конрада и сделав короткую запись в истории болезни, сказал:

– Это нервный кашель. Я направлю вас к невропатологу.

Невропатолог согласился с диагнозом лора и прописал успокоительное.

Конрад делал всё, что требовала мать. Пил противные капли, тепло одевался и слушал на ночь успокаивающие мелодии, но кашель не проходил. Иногда матери казалось, что Конрад получает от него удовольствие, и тогда она требовала немедленно прекратить. Конрад на несколько минут замолкал, а потом всё начиналось сначала.

Конрад опять попытался подумать о Наде. Нет, он не хочет, чтобы она увидела его, такого неуклюжего и нескладного. Он встал у зеркала и стал сгибать руки в локте, как бы качая бицепсы. Кожа свисала складками. Мать запрещала Конраду заниматься спортом из страха, что он по неосторожности нанесёт себе травму, и добыла справку для школы, что он «по физиологическим и психологическим причинам» не может посещать уроки физкультуры и труда.

Шум пылесоса стих. Конрад повернулся к стене и заулыбался, прокручивая в голове разговор с Надей, особенно её слова о том, что у него красивый голос. Больше всего на свете он хотел бы сейчас ещё раз прослушать автоответчик, но не мог, потому что в соседней комнате возилась мать. Надя, Надя, какая ты, Надя? Мысли о Наде возбуждали в Конраде приятные чувства, и он фантазировал, какой могла бы быть

девушка с таким нежным голосом. Ему не терпелось попасть на работу, чтобы повнимательнее рассмотреть её профиль в Фейсбуке. Если повезёт, там будет фотография. Скорее бы настало завтра!

Часть II

1

– Носки и кальсоны я ему сама покупаю, а для брюк и пиджаков нужна примерка. Здесь без примерки никак не обойтись...

– Да, что верно, то верно, – соглашается хозяин магазина, сморщенный старичок в щегольском бордовом костюме в коричневую клеточку. – Очень хорошие брюки вы сейчас держите, стопроцентная шерсть, тёплые, как раз то, что надо на зиму. Возьмите, не пожалеете.

– А какой это размер?

– Минуточку... – Старичок подходит, надевает очки и всматривается в размерную таблицу. – Эти брюки – это ещё старый гэдээровский запас. Сейчас таких уже не производят, сейчас в шерсть всегда поролон или этот... нейлон кладут. А он разве греет? Он не греет совсем. А когда холодно, люди болеют чаще. Вот и вся логика.

В маленьком магазинчике мужской одежды на Пренцлау-эрштрассе, 46 всё было точно так же, как и много лет назад, когда Моника Фольксманн приходила сюда выбирать одежду теперь уже покойному мужу. То ли от того, что магазин находился в полуподвале и освещение было слабым, то ли от преобладающего в товаре серого цвета торговый зал казался ещё темнее, а воздух был пропитан пылью и средством от моли. Из-за пыли было плохо видно и тяжело дышать.

– А какого размера вам нужны брюки? – спросил старик.

Вдруг кто-то громко чихнул, прервав их разговор. Мужчина отпрянул и стал испуганно оглядываться. Он не заметил, что в магазине всё это время был кто-то ещё. Моника кивнула в сторону бесшумно стоящего в сторонке человека и спросила:

– Вы что, не узнаете его, господин Шульце? Это же мой Кони!

Мужчина прищурился, надел, потом снял очки и с удивлением воскликнул:

– Конрад?! Не может быть! Надо же, какой большой вымахал. Я помню, как вы приходили сюда ещё с вашим мужем, а Кони сядет тихонько на стульчик и смотрит, а глазёнки умные-умные. А сейчас, надо же, уже мужчина.

– Да, – с гордостью ответила Моника, – вырос он у меня, рост 185 см, размер одежды XL, обуви – 45. Но для нас, родителей, дети как были детьми, так ими и останутся.

– Сколько же тебе уже лет, молодой человек?

– Ему уже тридцать шесть, – ответила мать за Конрада.

– Тридцать шесть?! – воскликнул старик. – Тридцать шесть! Надо же, надо же...

– Вот, нашла тебе брюки. Нравятся?

Конрад утвердительно кивнул.

– А есть ли у вас другие модели нашего размера? – уже обращаясь к хозяину магазина, спросила Моника.

Старик пошёл в кладовку за нужным товаром, а Конрад безропотно взял из рук матери пару серых брюк в широкую белую полоску и направился в примерочную. К ним Моника подобрала розовую рубашку в клеточку, подтяжки, фиолетовый галстук с мелкими ромбиками и фиолетовую жилетку – в тон к галстуку.

– Ух, красавец какой! – хозяин магазина не мог скрыть восхищения, когда Конрад отдернул занавеску. – Будь я девушкой, непременно влюбился бы. – Конрад покраснел, а старик продолжил: – У тебя же наверняка есть девушка?

Увидев строгий взгляд Моники и поняв, что зашёл на минное поле, хозяин магазина незаметно, как опытный дипломат, сменил тему:

– У твоей матери отличный вкус! Вот это, я понимаю, стиль, не то что джинсовая униформа, которой обвешана вся сегодняшняя молодёжь. А это – классика! Строгий стиль и мягкие цвета – то, что не выйдет из моды никогда.

Конрад посмотрел на себя в зеркало. Пухлые и в то же время впалые щёки, уставшие глаза и грустный взгляд плохо

сочетались с этим щегольским нарядом: широкими брюками в полоску, розовой рубашкой и фиолетовой жилеткой. Такая одежда хорошо бы смотрелась на эпатажном политике, но не на стеснительном молодом человеке. Конрад съежился при мысли, что послезавтра он должен будет прийти в таком наряде на работу и, возможно... нет-нет, непременно станет предметом насмешек сослуживцев.

– Тебе что, не нравится? – разочарованно спросила мать. – Это же классика!

Конрад пожал плечами. Одежда ему не нравилась, но он не хотел расстраивать мать. Напротив, зная, что она из-за него вынесла, он очень хотел сделать её счастливой, поэтому никогда ей не перечил.

2

Последняя ссора между ними случилась очень давно, когда Конраду было пять лет. Тогда он не хотел выходить на прогулку и мешал матери его одевать. Та сказала ему, что он «плохой мальчик», поэтому мама уйдёт без него и больше никогда не вернётся. Пусть Конрад живёт один как хочет! Конрад стал плакать и умолять маму остаться, но она только покачала головой – «нет» – и вышла из квартиры, заперев дверь снаружи. Конрад кричал, звал маму, но та не возвращалась. Через какое-то время (оно казалось мальчику вечностью) силы иссякли, и Конрад притих. Сидя на полу,

он, всхлипывая, пытался завязать шнурки на ботинках, но это ему никак не удавалось. Тут внезапно дверь открылась и вошла мама. Он кинулся ей навстречу, стал целовать, обнимать, просил не уходить. Мама строго спросила, будет ли он её расстраивать: не слушаться, не съедать то, что лежит на тарелке, медленно одеваться, шуметь и плакать. Конрад уверенно сказал «нет», и они, быстро собравшись, вышли на прогулку. С тех пор Конрад знал, что мама не должна расстраиваться, и готов был стать маминым рыцарем и делать всё, что она захочет. Только бы больше никогда не оставаться одному.

Когда Конрад стал постарше, Моника часто заходила к нему в комнату «поболтать». Если он слушал музыку, она просила сделать потише, потому что у неё от музыки болит голова. Когда Конрад выключал магнитофон, мать спрашивала, может ли она немного с ним побыть. «Я так устала от отца!» Конрад не мог отказать ей, и она, немного помолчав, начинала рассказывать ему про тяготы жизни, жаловалась на отца, на свои болезни и на несправедливость. Только с Конрадом ей повезло, только с ним она чувствует себя защищённой.

В седьмом классе Конрад увлёкся шахматами и спросил однажды у матери, может ли он пригласить друга Маркуса поиграть после уроков. Мать согласилась, но не успели они начать игру, как Моника принесла им чай с печеньем и, сев на краешек кровати, стала говорить, обращаясь к товарищу

Конрада:

– Я так рада, Маркус, что ты к нам пришёл! А то у Кони ведь, знаешь ли, нет друзей. Ты – единственный. Я надеюсь, что вы всегда будете дружить.

Мальчик кивал, а мать продолжила:

– Ну что же вы чай не пьёте, пейте, а то остынет. А что делают твои родители?

Ответа не последовало, и мать повысила голос:

– Маркус, я тебя спрашиваю: что делают твои родители?!

– Мой папа таксист, а мама домохозяйка, – оторвавшись от доски, ответил Маркус.

– А-а, – разочарованно ответила Моника, – понятно. А ты кем хочешь стать?

– Ещё не знаю, – поспешно ответил Маркус, пытаясь настроиться на игру.

– Не знаешь? Странно... А Кони с детства хочет стать политиком, как Конрад Аденауэр. Знаешь его? Вот и Кони будет канцлером. А как ты учишься? – на одном дыхании произнесла Моника.

– Нормально учусь.

– А если подробно? Какие у тебя оценки: пятёрки, четвёрки, тройки? Что значит «нормально»?

– Четвёрки, тройки, иногда пятёрки. Так себе. Шах.

– Что?

– Мат! – Мальчик обрадовался, что партия закончилась, потёр руки и, обращаясь к Конраду, сказал: – Увидимся в

школе, бывай.

И ушёл, так и не выпив чай.

– Неважно его воспитали родители. Могли бы и обучить правилам хорошего тона, – убирая чай и шахматную доску, сказала Моника. – В следующий раз выбирай себе друзей повежливей.

Когда мама вышла, Конрад закрыл дверь и лёг спать, повернувшись к стене. Он не хотел, чтобы мать видела его слёзы.

Больше Конрад никогда не играл в шахматы.

3

– Знаете ли, Конрад работает на серьёзной работе, на очень серьёзной, – заговорщически сказала Моника. – Там! – При этих словах она вытянула указательный палец вверх.

– Где? – не понял старик, но на всякий случай посмотрел на потолок.

– В Берлине. В правительстве, – с придыханием сказала Моника и добавила уже шёпотом, как будто опасалась прослушки: – С Меркель!

– Да-а-а? – протянул хозяин магазина. – С самой Меркель!

– Он не просто с ней работает, он – её правая рука. Она без него обойтись не может, без моего Конрада. – И, уже обращаясь к сыну, сказала: – Ну что ты стоишь, снимай брюки, другие мерить будем. Несколько пар возьмём, чтобы хвати-

ло надолго!

Кроме серых брюк в широкую белую полосу, мать выбрала коричневые в клеточку и «школьноформенные» синие. К брюкам добавились рубашки (уже упомянутая розовая, бледно-жёлтая и сиреневая), разноцветные жилетки, подтяжки, широкие галстуки невообразимых расцветок, которые были в моде в конце восьмидесятых. Моника выбирала, а Конрад не возражал.

Последние несколько дней он чувствовал себя виноватым за тайну, которую хранил в сердце, и вёл себя, словно нашкодивший ребёнок: предельно учтиво и угодливо. Любое желание матери выполнялось без промедления, любой намёк понимался без слов.

У Конрада до недавнего времени не было секретов от матери: он делился с ней всем. А если и хотел что-то скрыть, мать по известным только ей приметам замечала это и всегда «выводила его на чистую воду». А потом долго дулась за то, что он вздумал скрытничать. В этот раз всё было серьёзней, и Конрад боялся, что мать о чём-то догадается.

Когда они вышли из магазина одежды, выглянуло солнце. Моника была в хорошем настроении: она осталась довольна покупками и спросила, что Конрад желает сегодня на обед.

– Я бы съел курицу с жареной картошкой! – с энтузиазмом ответил Конрад.

– Жареная картошка? Ну ладно, пусть будет жареная картошка, – ответила мать и вздохнула: – Хотя мне кажется, что

пюре было бы лучше.

– Мама, я не против! Пусть будет пюре!

– Да, но к пюре лучше всего подходит рыба на пару, а не курица...

– Ну ладно, пусть будет рыба на пару!

– А ты видел фотографию, которую выложил твой знакомый Михаэль Янзен в Фейсбуке? Он был в составе правительственной делегации в Москве и встречался с их президентом, как его, Мьедвьедьев?

– Да, – вяло произнёс Конрад, – видел.

Никто и не предполагал, что Моника, раньше пренебрежительно отзывавшаяся о компьютерах, станет активным пользователем Интернета. Она прошла специальные компьютерные курсы для пенсионеров, чтобы, как она объясняла своему преподавателю, лысому компьютерщику в пропитанной табаком одежде, «сблизиться с сыном».

– Вы знаете, молодёжь сейчас вся ушла в Интернет, писем от них уже не дождёшься, даже открытки и той не дождёшься. Вот, решила открыть страничку в Фейсбуке, чтобы хоть как-то общаться с моим Кони.

Заведя профиль в Фейсбуке, Моника сразу же добавила в друзья Конрада, а также всех его «френдов». Чаще всего это были университетские приятели сына, о которых ей было хорошо известно. Если Моника видела, что Конрад «подружился» с кем-нибудь, о ком она не знает, она всегда спрашивала у сына разрешения добавить этого нового «друга»

в список её, Моники, друзей. Конрад никогда не возражал. Время от времени Моника оставляла записи на «Стене» Конрада, подобные этой:

«В семь лет мы говорим: Я обожаю тебя, Мама!

В десять лет мы говорим: Я люблю тебя, Мама!

В пятнадцать лет мы говорим: Не действуй мне на нервы, Мама!

В двадцать лет мы говорим: Я уйду из дома, Мама!

В сорок лет мы говорим: Пожалуйста, не уходи, Мама!

В шестьдесят лет мы говорим: Я всё отдам, чтобы ещё хоть пять минут побыть с моей Мамой...»

– Кстати, а что это за русская Надья, с которой ты недавно подружился на Фейсбуке? – внезапно, вдруг потеряв интерес к карьерным успехам Михаэля Янзена, спросила Моника.

Конрад покраснел. Мать вопросительно на него взглянула, но Конрад ничего не ответил. Тогда Моника спросила, может ли она зафрендить Надью. Конрад шёл молча, и только по его блуждающему взгляду можно было понять, что он понял вопрос и второпях придумывает ответ. Мать больше ни о чём не спрашивала, но Конрад понял, что она обиделась.

Погода менялась стремительно: солнце исчезло, словно театральная декорация, и поднялся сильный ветер. С деревьев слетали остатки листьев, которые, смешиваясь с окурками и бумажным мусором, покрывали холодный асфальт. Моника достала ключ из сумки и открыла подъездную дверь панельной девятиэтажки, построенной во времена советско-восточногерманской дружбы. Уродливым колоссом она была втиснута в малоэтажный фасад старинного немецкого городка. Таких домов в Альтенбурге, в лучшие времена насчитывающем не более сорока тысяч жителей, было построено несколько десятков. Однако после объединения обеих Германий молодёжь ринулась на Запад, и дома опустели, превратясь в призраков, и напоминали старикам об их несбывшихся мечтах.

Трёхкомнатная квартира на четвёртом этаже досталась отцу Конрада, учителю истории Карл-Хайнцу Фолькманну, от государства. В благодарность за щедрый жест глава семейства сбрил бороду и стал носить очки в чёрной оправе, точно такие же, как и у тогдашнего председателя партии Эриха Хонеккера, что сделало его поразительно похожим на вождя «восточногерманской нации». Хотя формально квартира принадлежала государству, все знали, что, если верноподданство Карл-Хайнца и членов его семьи не будет поставле-

но под сомнение, квартиру никогда не отнимут. Однако если сам глава семейства был всецело предан идее коммунизма, то с Моникой дело обстояло иначе. Она никогда не была коммунисткой и, более того, ненавидела ГДР, постоянно рассказывая знакомым, что мечтает вернуться на Запад, в свой родной Кёльн. Чем дольше длился брак, тем сильнее становилась разница политических взглядов.

Мать часто говорила Конраду, что ни за что не вышла бы замуж за его отца и не согласилась бы переехать в ГДР, если бы не отягчающие обстоятельства: она забеременела. Тридцать семь лет назад Карл-Хайнц Фольксманн, молодой учитель истории из Восточного Берлина, сопровождал группу старшеклассников из ГДР в Западную Германию. Общение школьников из двух стран проходило как в стенах школы, так и за её пределами. Ребята общались и рассказывали друг другу о жизни в своих странах. Рядом с Карл-Хайнцем постоянно находилась не по годам развитая физически и интеллектуально школьница Моника Кирхенхоф. Не отрывая больших голубых глаз от симпатичного учителя истории, она бесцеремонно его разглядывала и, не обращая внимания на остальных учащихся, задавала неудобные вопросы. Одним из таких вопросов было:

– А есть ли в школах ГДР сексуальное воспитание?

Класс засмеялся. Карл-Хайнц покраснел, но вызов принял:

– Нет. А вы думаете, что сексуальное воспитание должно

преподаваться в школе?

Вечером была дискотека, и Моника пригласила его танцевать. Он отказывался, но настоятельная просьба Моника («Ну пожалуйста, только один танец») и протянутая к нему рука сделали бы отказ крайне невежливым, поэтому он согласился. Дрожащая и прижимающаяся к нему всем худеньким телом девушка подействовала на Карл-Хайнца словно наркотик, парализующий волю.

– Моника, тебе взять колы? – спросил какой-то прыщавый верзила, когда музыка закончилась.

– А... да-да, спасибо! Я сейчас! – ответила девушка, виновато улыбнувшись Карл-Хайнцу и освобождаясь из его объятий.

Карл-Хайнц молча кивнул и пошёл на своё место, где стояла кружка оставленного пива. Это место было хорошо тем, что его никто не видел, зато он видел всех. Но теперь его интересовала только Моника. Она растворилась в толпе подростков, танцевала с разными парнями, заставляя Карл-Хайнца ревновать. Когда за Моникой пришли, она незаметно положила в его руку свёрнутую в несколько раз записку, на которой были накарябаны адрес, время и проколотое стрелой сердце. Она пригласила его на свидание, и он принял приглашение.

Вернувшись в ГДР, Карл-Хайнц уже начал забывать об этой истории, как вдруг получил письмо из Кёльна. Моника сообщала, что беременна – от него. Но ещё хуже было то, что

обо всём узнали её родители. Если бы не они, Карл-Хайнц настоял бы на аборте и тайком бы всё устроил. Но её родители, правоверные католики, и думать не хотели об аборте. Они решили, что их дочь должна родить и сразу же отказаться от младенца в пользу одной из многочисленных бездетных пар, ожидающих своей очереди на ребёнка. Спустя несколько дней после письма от Моники он был вызван к директору школы, который, тряся какой-то бумагой, грозил ему катастрофическими последствиями за «растление школьницы из ФРГ»:

– Как вы могли так опозорить нашу школу, нашу страну перед товарищами из ФРГ?! – кричал, разбрызгивая слюну, директор. – Вы опозорили не только себя и эту девочку, вы нанесли огромный, непоправимый ущерб нашей стране!

Дело замяли, но Карл-Хайнцу пришлось оставить насиженное место в Берлине и перебраться в провинциальный Альтенбург, где ни о нём, ни о его дурном поступке никто не знал. За ним в Альтенбург приехала располневшая Моника, которая отказалась отдавать ребёнка чужим людям и потребовала, чтобы Карл-Хайнц женился на ней как можно скорее, чтобы ребёнок родился в законном браке. Мать рассказывала Конраду эту историю сотни раз, но каждый раз Конрад расспрашивал подробности с таким интересом, как будто бы впервые об этом слышит:

- А как папа отреагировал на твоё появление?
- Он сказал, что ему не нужен ребёнок.

– А ты?

– А я ответила, что тогда рожу ребёнка для себя, и попросила его просто жениться на мне, а потом, если захочет, развестись.

– А он?

– Он сначала отказывался.

– А потом?

– А потом сказал: «А чёрт с тобой!» – и согласился.

– А почему вы не развелись?

– Привык он ко мне и смирился с моим... с нашим существованием. А я подумала, что ребёнку, то есть тебе, нужен отец, поэтому и не настаивала.

– А почему отец нас не любит? Может быть, нам было бы лучше вдвоём, без него?

– Может быть, и так, да поздно уже что-то делать. Куда я пойду с тобой, больным? А у отца квартира есть как-никак. Со многими вещами, сынок, надо смириться, когда ничего не поделаешь.

5

Карл-Хайнц не любил ни Конрада, ни его мать, которая, как он утверждал, разрушила его карьеру. Воспитанием сына занималась исключительно Моника. Участие Карл-Хайнца ограничивалось несколькими минутами по воскресеньям, когда Моника уходила в церковь. Будучи коммуни-

стом, Карл-Хайнц хотел воспитать и в сыне патриотический дух, поэтому заставлял его учить гимн Германской Демократической Республики. Заспанный Конрад умывался, одевался и пел:

Возрождённая из руин
И обращённая к будущему,
Давайте будем служить твоему добру,
Германия, единое отечество.
Старую беду нужно преодолеть,
И преодолеем мы её вместе,
Нужно, чтобы нам удалось,
Чтобы солнце красиво, как никогда,
Светило над Германией,
Светило над Германией.

– Да проснись ты, наконец! – кричал отец и, по учительской привычке, бил линейкой по столу. – Проснись и пой радостно, с достоинством! Не абы что поёшь, а гимн своей Родины!

Отец начинал махать линейкой, словно дирижёрской палочкой, а Конрад откашливался и продолжал:

Счастья и мира тебе,
Германия, наше отечество.
Весь мир тоскует по миру,
Дайте народам свою руку.
Когда объединимся по-братски,

Мы победим врага народа.
Пусть светится свет мира,
Чтобы никогда больше мать
Не оплакала своего сына,
Не оплакала своего сына.
Давайте пахать, давайте строить,
Учитесь и трудитесь, как никогда раньше,
И доверяя в собственную силу,
Поднимется свободный род.
Немецкая молодёжь, лучшее стремление
Нашего народа объединено в тебе,
Ты будешь новой жизнью Германии.
И солнце, красиво как никогда,
Светит над Германией,
Светит над Германией.

Только спев гимн ГДР без единой запинки, Конрад имел право позавтракать.

Мать ничего не знала о ежевоскресных пениях сына, а если бы узнала, устроила бы скандал. Она лелеяла мечту о том, что выросший Конрад пойдёт в политику и, если повезёт, станет канцлером ФРГ. Вот тогда они заживут счастливо. Ещё будучи школьницей, Моника думала о политической карьере, но, когда она забеременела и уехала в ГДР, её мечтам пришёл конец. Ни о какой политике в этой стране ей, уроженке ФРГ, нельзя было и мечтать. Единственной её надеждой был сын, которого она и назвала в честь своего кумира – первого послевоенного канцлера ФРГ Конрада Аденауэра.

науэра, который, как и Моника, был родом из Кёльна.

6

– Обед готов!

Услышав голос матери, Конрад понял, что та по-прежнему злится на него. Ещё никогда ему не удавалось избежать маминого гнева, и Конрад понимал, что всё только начинается: в ближайшие часы, а может быть, даже и дни мать будет всем своим видом показывать, какую обиду он ей нанёс. От этой мысли закружилась голова и вспотели руки. Он не хотел обидеть мать, но как быть? Если он расскажет о Наде, она всё испортит. Но она уже увидела Надю в Фейсбуке и теперь будет внимательно следить за ней. Обдумывая ситуацию, Конрад понял, что единственное, что можно сделать сейчас, – это раскрыть часть правды, скрывая суть.

Помыв руки, Конрад робко вошёл на кухню и встал в дверях. Мать была в фартуке и ходила взад-вперёд по их маленькой кухне. Резкими движениями, создавая грохот, она ставила на стол тарелки, так что те, ударяясь об стол, производили угрожающие звуки, как бы выкрикивая:

– Тарелка!

– Стакан!

– Вилка!

– Нож!

«Нож!» Конраду показалось, что в фартуке у мамы был

нож.

– Мама! Почему у тебя нож в фартуке? – спросил Конрад.

Мать фыркнула, грубо стянула фартук и бросила его на пол. Конрад поднял фартук и заглянул в карман. В нём не было ножа, но были какие-то таблетки.

– Мама, что с тобой? – встревоженно спросил Конрад. – Ты плохо себя чувствуешь? Ты заболела?

Мать ответила не сразу. Сначала она налила себе стакан воды, выпила её залпом и села, обхватив голову руками.

– Я не хочу тебе ни о чем рассказывать. У тебя же есть от меня секреты, вот и у меня секреты, – уставшим, поникшим голосом произнесла мать.

– Мама, у меня нет от тебя секретов! – взволнованно ответил Конрад.

– Да? Тогда почему ты не хочешь говорить мне, кто такая эта Надья?

– А! – как будто внезапно всё поняв, произносит Конрад. – Надя! Так это же подруга Михаэля Янзена! Она журналистка из Москвы, Михаэль попросил меня дать ей интервью!

– Журналистка? Подруга Михаэля? Ты не врешь?

– Ну нет, конечно, мама! Как ты могла подумать! Хочешь, спроси сама у Михаэля!

– Ну ладно, давай ешь, остывает.

Конрад послушно взял в руки вилку и нож и стал есть пюре с рыбой. Надеюсь, что ему удалось спрятать от матери главное, он добавил:

– И как ты только могла подумать, что я от тебя что-то скрываю!

Часть III

1

– Меня зовут Конрад. Конрад Фольксманн.

Молодой человек улыбнулся и протянул руку сидевшей у окна пассажирке рейса Берлин – Москва. Тучная женщина оторвалась от чтения журнала, равнодушно посмотрела на Конрада и кивнула. Конрад положил руку на колено и посмотрел перед собой: длинная вереница пассажиров стояла, ожидая освобождения прохода от копошащихся в ручной клади людей.

Конраду досталось место посередине, и он был единственным из троих пассажиров, кто уместился в самолетном кресле, не занимая части соседского. Мужчина справа, пыхтя, продолжал запихивать сумки между густо наваленными шубами и пакетами Duty-free.

– А, ладно, чёрт с ней! – Пассажир плюхнулся в кресло и посмотрел на Конрада: – Будет чем скрасить полет! Хороший коньяк, очень хороший – у нас такой втридорога продают! Составишь мне компанию? – протягивая бутылку с ал-

коголем Конраду, спросил сосед. Конрад подумал, что мужчина просит его поддержать коньяк, и вытянул руки. Но мужчина крепко держал бутылку. – Я спрашиваю, коньяк будешь со мной пить?

– Извините, я плохо говорит русски язык, – улыбнулся Конрад.

– А, иностранец! – осенило мужчину, и он воскликнул, гордясь своей проницательностью: – Немец!

– Да, нэмец, нэмец!

– А я немецкий знаю – в школе учил! Хэндэ хох, Гитлер капут! – При этих словах мужчина затрясся от смеха.

Конрад не понял ни слова и вежливо переспросил:

– Wie bitte?

Мужчина решил не переводить и махнул рукой.

– Ты откуда – из ГДР или из ФРГ? – спросил он, чтобы понять, в какой идеологической плоскости нужно общаться с соседом.

– DDR уже нет. Я BRD. Город Альтенбург, это на восток Германия.

– Ну так и сказал бы: ГДР. Всё с тобой понятно – наш человек! А если не наш, быстро станешь нашим! – Смеясь над собственной остротой, мужчина решил не откладывать превращение Конрада в «своего человека» и, увидев, что Конрад держит свой рюкзак в руках, требовательно спросил, может ли он воспользоваться местом под его сиденьем. Конрад всё равно боялся выпускать поклажу из рук и не возра-

жал. Это был первый полёт Конрада, он не знал, чего ожидать от русских, и предпочёл сохранять бдительность, сторожа своё имущество. Перед поездкой в Россию Конрад внимательно читал все новости из России, чтобы получить как можно более детальное представление об этой стране, и перед полётом купил в аэропорту несколько газет. На первой полосе одной из них был анонс статьи под названием: «Ледовые протесты в России. Русские против Путина. Неужели проснулся русский медведь? Продолжение читайте на стр. 3». Конрад развернул газету, чтобы прочесть статью. В ней говорилось, что в России назревает революция наподобие арабской. Журналист писал о массовых протестах противников и сторонников Путина и возможном столкновении двух противоборствующих сил, что может привести к гражданской войне. В конце статьи журналист посоветовал немцам, планировавшим поездки в Россию, отказаться от них до нормализации ситуации. Это испугало Конрада.

– Что пишут? – спросил сосед.

Конрад показал соседу статью, снабжённую красочными фотографиями митингов.

– Революцион? Это опасно? – спросил Конрад.

Мужчина рассмеялся так, что сидевшая у окна женщина бросила на него неодобрительный и полный презрения взгляд.

– Ну ты насмешил, – справившись со смехом, ответил мужчина. – Это детский сад, а не революция! Вот сейчас вы-

пьем – и весь твой страх как рукой снимет.

Мужчина попросил стюардессу принести два пластиковых стаканчика. Заполнив их до середины коньяком, мужчина произнёс тост:

– Ну давай. За дружбу народов и за мир во всём мире.

Сказав это, мужчина дотронулся до стакана Конрада и, кивнув – «начали», – выпил коньяк залпом. Конрад только пригубил коньяк, но сосед тут же подтолкнул его за локоть: «Пей до дна!» После первой рюмки были вторая и третья, они выпили не только за дружбу и за мир во всём мире, но и за каждую из стран – Россию и Германию – по отдельности. Конрад чувствовал, как приятное тепло разлилось по телу. Усталость и голод дали о себе знать: его быстро потянуло в сон. Все переживания и страхи остались позади, и он уснул, впервые за последний месяц, как младенец, прижавшись лицом к рюкзаку. Сквозь сон он успел ещё услышать, как мужчина сказал сидящей слева от Конрада женщине:

– Хорошо немцам – спят, как младенцы. Конечно, у них жизнь спокойная и счастливая, не то что у нас с нашими проблемами!

Конрад смутно слышал постукивание посуды и грохот проезжающей с едой тележки с питанием, чувствовал запах еды и коньяка, его кресло шаталось от открывания и закрывания столика пассажиром сзади, но он не мог открыть глаз, проснуться, принять участие в этой самолётной жизнедеятельности. Ему хотелось только одного: спать.

После телефонного разговора с Надей прошло почти два месяца, которые полностью изменили его жизнь. В первый же день после выхода на работу Конрад зашёл на Надину страничку в Фейсбуке и открыл её фотографию. Он смотрел на неё, как на диковинку, и не мог поверить, что ещё вчера говорил с ней по телефону. Надя оказалась очень красивой девушкой с круглым лицом и задумчивым взглядом. Конрад так увлёкся рассматриванием фотографии, что не заметил, как сзади подошёл коллега Дитер, который был известен тем, что не упускал ни одной юбки. Увидев Надин портрет, он присвистнул.

– Вау, какая девушка! – сказал он. – Русская красавица Надя! Познакомишь?

– А ну-ка, а ну-ка, – сказала Марианне, другая коллега Конрада. – Мне можно посмотреть, кем это вы так восхищаетесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.